

A black and white photograph of Winston Churchill. He is shown from the chest up, wearing a dark suit jacket over a white shirt. He has a serious expression and is looking slightly to the right. A metal handcuff is visible on his left wrist, which is resting on his hip. The background is dark and out of focus.

Александр Никитич
Севастьянов

Преступник номер один

Уинстон Черчилль перед
судом истории

Александр Севастьянов

**Преступник номер один. Уинстон
Черчилль перед судом истории**

«Издательские решения»

Севастьянов А. Н.

Преступник номер один. Уинстон Черчилль перед судом истории /
А. Н. Севастьянов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961967-9

С конца 1940-х годов и до наших дней главными претендентами на роль «черных магов», преступников века, вызвавших самые страшные катаклизмы, обычно назначаются одни и те же лица: Вильгельм Второй, Ленин, Троцкий, Гитлер, Сталин, Мао Цзэдун. При этом из внимания выпадает сэр Уинстон Черчилль, несменяемая звезда британской, да и мировой политики. Именно Черчилль был активным действующим лицом и влиятельной силой в роковой Гражданской войне в России.

ISBN 978-5-44-961967-9

© Севастьянов А. Н.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Преступник номер один Уинстон Черчилль перед судом истории

Александр Никитич Севастьянов

© Александр Никитич Севастьянов, 2019

ISBN 978-5-4496-1967-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Преступник номер один. Уинстон Черчилль перед судом Истории

Александр Никитич Севастьянов

Главные исторические сенсации

XX век вошел во всемирную историю как одно из наиболее трагических столетий. С конца 1940-х годов и до наших дней главными претендентами на роль «черных магов», преступников века, вызвавших самые страшные катаклизмы, обычно назначаются одни и те же лица: Вильгельм Второй, Ленин, Троцкий, Гитлер, Сталин, Мао Цзэдун, Пол Пот. При этом из внимания выпадает сэр Уинстон Черчилль, несменяемая звезда британской, да и мировой политики.

Именно Черчилль был активным действующим лицом и влиятельной силой в роковой Гражданской войне в России. В 1939 году он спровоцировал Вторую мировую войну, дорого вставшую России, и, наконец, именно Черчилль в своей Фултонской речи 5 марта 1946 года провозгласил холодную войну всего Запада против России, стал ее идейным мотором.

Эта сенсационная книга опрокидывает привычный взгляд не только на личность Уинстона Черчилля, но и на историю XX века в целом. Развенчивая самые популярные мифы и легенды, автор утверждает, что суд над преступлениями века срока давности не имеет.

Александр Севастьянов

Преступник номер один. Уинстон Черчилль перед судом Истории

Посвящается моей бабушке Таисии Дмитриевне Севастьяновой, гвардии капитану медицинской службы, погибшей от немецкой бомбы в январе 1943 года под Осташковом

Вступление

Предлагаемая читателю книга претендует на сенсационность, поскольку опрокидывает привычный взгляд не только на личность Уинстона Черчилля, но и на историю XX века в целом. «Преступный герой преступного столетия» – так можно было бы назвать ее, будь моя предполагаемая аудитория попроще.

Вряд ли приходится сомневаться в том, что XX век войдет во всемирную историю как одно из наиболее трагических и даже ужасных столетий, когда-либо отмечавшихся в этой истории. И задача историков – не только честно и всесторонне рассказать о трагедиях века, но и указать на те личности, которые несут за них основную ответственность.

Надо заметить, что подобные попытки не прекращаются уже более полувека и с течением лет наверняка будут лишь возрастать числом. И вряд ли я ошибусь, если скажу, что начиная с конца 1940-х годов и вплоть до наших дней среди главных претендентов на роль «черных магов», своей волей или своими ошибками вызвавших самые страшные катаклизмы, обернувшиеся страданиями и гибелью многих миллионов антропоидов, обычно называются одни и те же лица: Вильгельм Второй, Ленин, Троцкий, Гитлер, Сталин, Мао Цзэдун, Пол Пот. Плюс еще несколько экзотических персонажей, чьи злодеяния, может быть, даже более выразительны, но менее масштабны. То одного, то другого из названных разные исследователи и СМИ подчас именуют преступником века, злодеем номер один, применяя те или иные критерии.

При этом самым поразительным образом из поля внимания выпадает весьма заметный исторический персонаж, которого по какому-то загадочному недоразумению скорее числят в героях, нежели в антигероях минувшего столетия. Это сэр Уинстон Леонард Спенсер-Черчилль, герцог Мальборо, несменяемая звезда британской, да и мировой медиасферы. Которого я считаю ответственным за две самые страшные катастрофы XX века: Вторую мировую и Холодную (она же Третья мировая) войны. Но обычные люди обычно слепы и не видят очевидного, а тем более не умеют понимать что-либо скрытое, занавешенное пеленой, сотканной из лжи. Чтобы сорвать эту пелену, нужно вооружиться этнополитическим подходом, предполагающим, что истинными субъектами и творцами истории являются различные этносы, одни в большей, другие в меньшей степени – в зависимости от фазы своего развития [1 – Этнополитика – новая для нашей страны научная дисциплина, азы которой можно найти в кн.: Александр Севастьянов. Основы этнополитики. – М., Перо, 2014.]. Только глядя через призму истории отдельных народов, постигаешь скрытый смысл событий даже самого великого, глобального масштаба.

Изучение фактов дает основание утверждать, что пять, как минимум, не последних в мире народов должны бы возненавидеть даже самое имя Черчилля и предать его публичному проклятию: русские, немцы, арабы, индийцы и... англичане. И проклинать его каждый день, как на молитве. Правда, для этого нужно, чтобы мир прозрел, открыл глаза и увидел нашего героя в истинном свете. Надежды на это мало, но я, во имя правды и совести, постараюсь посодействовать этому с помощью настоящей книги.

И только один народ в мире имеет основания благословлять имя Черчилля: это евреи, которым в XX веке довелось выиграть четыре этнических войны: русско-еврейскую, немецко-еврейскую, арабо-еврейскую и, как ни странно покажется для читателя, англо-еврейскую.

Во всех этих победах Черчилль сыграл ключевую роль. В жертву победителям он принес даже свою страну и свой народ, не говоря о прочих. Что в итоге перетянет: их благословение или наши проклятия? Время покажет.

Почему я решил обратиться к феноменальной личности Черчилля? Какое отношение имеет он к русской национальной проблематике, которой посвящена моя жизнь?

В первую очередь то, что Черчилль был активным действующим лицом и сильно влиял на ход событий в роковую Гражданскую войну в России; в 1939 году он вызвал Вторую мировую войну, дорого вставшую России (лично у меня погибла бабка на фронте и отец воевал четыре года, был ранен, контужен, обморожен), и, наконец, именно Черчилль в своей Фултонской речи 5 марта 1946 года провозгласил Холодную войну всего Запада против России, стал ее идейным мотором. Достаточные основания, чтобы русскому человеку повнимательней взглянуть в эту фигуру и постараться ее понять, – не так ли?

Мои претензии как русского историка и человека к этому историческому лицу копились много лет, но окончательную точку в раздумьях позволила поставить уникальная книга Мартина Гилберта «Черчилль и евреи» [2 – Мартин Гилберт. Черчилль и евреи. – Москва – Иерусалим, Мосты культуры / Гешарим, 2010.]. Ее выпустил в свет на русском языке известный в Москве наших дней еврейский книгоиздатель Михаил Гринберг (псевдоним: Зеленогорский), которого я знаю лично с 1991 года и считаю талантливым поборником идей современного сионизма. Он, конечно же, хотел «как лучше», движимый самыми благими чувствами к герою книги. Но евреи частенько пересаливают свою похлебку для нееврейского мира: эффект получился обратный. Факты, собранные Гилбертом, дали ключ к негативному пониманию нашего персонажа.

Ну, а кроме всего сказанного, есть три формальных повода, достаточных, чтобы освежить пристальное внимание публики к «Бленхеймской Крысе» (таково было одно из прозвищ Черчилля в начале карьеры) [3 – Бленхейм – «родовое имение герцогов Мальборо в Оксфордшире, малая родина сэра У. Черчилля» (Википедия), великолепный дворец, в котором он родился.].

Во-первых, в 2014 году отмечался юбилей этого знаменитого политика, одного из самых прославленных общественных деятелей XX века – дважды премьер-министра Великобритании, дважды первого лорда ее адмиралтейства, видного депутата парламента: 140 лет со дня его рождения (30 ноября 1874 года).

Во-вторых, в 2015 году мир отмечал 50-летие со дня его смерти.

Ну и, в-третьих, недавно прогремело 70-летие Великой Победы (1945—2015), которую мы постепенно учимся осмысливать со всех сторон, в том числе с тех, с которых ранее этого не делали... В частности, до сих пор остается спорным вопрос о главном: кто и почему развязал эту гигантскую мировую бойню, тяжким бременем легшую на плечи многих народов и подорвавшую витальные силы всей европеоидной расы. Кого мы должны благодарить за это? За десятки миллионов человеческих жертв? За невозполнимые культурные потери?

Мой ответ я уже сообщил заранее: истинным творцом Второй мировой войны, столкнувшим мир в кровавый хаос и катастрофу, был именно он – сэр Уинстон Черчилль, он же просто Уитни в благодарной памяти англосаксонских масс.

Но ведь никто не обязан верить подобным обвинениям, если они голословны. Поэтому я постараюсь сделать все возможное, чтобы убедить читателя в их основательности.

А для того, чтобы завершить тему вступления, скажу несколько слов о мифологии Черчилля, которого общественное мнение превозносит как выдающегося государственного деятеля. Я не стану пересказывать бесконечные славословия в адрес моего героя. Они и так на слуху у большинства интересующихся. Лучше слегка пройти по этой раздутой репутации с фактами в руках, чтобы у читателя сразу же возник относительно трезвый и объективный настрой на дальнейшее изложение.

Уинстон Черчилль, хоть и окончил одно из самых престижных военных училищ Великобритании – Королевское военное училище в Сандхерсте – и даже прошел затем масонское посвящение 24 мая 1901 года в ложе «Стадхольм» в Лондоне (состоял также в ложе «Розмари»), но государственным деятелем вызрел плохим. Его очевидные промахи и накладки – при грандиозных амбициях – широко известны. Все, за что он ни брался, шло из рук вон плохо и приводило к критическим результатам.

В возрасте всего лишь 35 лет Черчилль 14 февраля 1910 года занял пост министра внутренних дел, один из трех наиболее влиятельных в стране. Министерская зарплата составила 5000 фунтов (огромные деньги по тем временам). Но вряд ли он оправдал затраты государства на свою персону, поскольку именно при нем по стране прокатились массовые выступления рабочих и протестные акции суфражисток. Нарастая, они едва не привели страну к катастрофе. Летом 1911 года началась забастовка моряков и портовых работников. В августе возникли массовые беспорядки в Ливерпуле. 14 августа морские пехотинцы с военного корабля «Антрим», прибывшего в город по приказу Черчилля, открыли огонь по толпе и ранили 8 человек. Перед лицом растущих стачек и вероятности большого бунта Черчилль мобилизует 50 тысяч солдат и отменяет положение, согласно которому армия может вводиться только по требованию местных гражданских властей. Как писал его близкий друг Чарльз Мастерман, «Уинстон находится в очень возбужденном состоянии ума. Он настроен решать дела „залпом картечи“, безумно наслаждается, прокладывая на карте маршруты движения войск... выпускает исступленные бюллетени и жаждет крови». По ходу дела глава палаты лордов лорд Лорберн публично назвал действия министра внутренних дел «безответственными и опрометчивыми». Всеобщей стачки удалось избежать только благодаря посредничеству Ллойд Джорджа, а Черчиллю пришлось бесславно уйти с поста...

В качестве министра по делам колоний (назначен был в 1921 году) Черчилля, а с ним Англию, ждало крупнейшее политическое поражение, поскольку под давлением Ирландской республиканской армии он был вынужден подписать Англо-ирландский договор, согласно которому возникло Ирландское Свободное государство, чего корона веками пыталась не допустить.

В 1924 году Черчилль неожиданно получил вторую должность в государстве – Канцлера казначейства в правительстве Стэнли Болдуина. На этом посту, не обладая ни пониманием финансовых вопросов, ни даже желанием вникнуть в их суть, Черчилль руководил неудачным возвращением британской экономики к золотому стандарту и повышением ценности фунта стерлингов до довоенного уровня. В результате получилась дефляция, удорожание британских экспортных товаров, снижение зарплат в промышленности, экономический спад, массовая безработица и, в итоге, в 1926 году разразилась-таки всеобщая забастовка, которую лишь с большим трудом удалось прекратить.

Но хуже всего Черчилль проявил себя как военный. После скандального провала в качестве министра внутренних дел он был с понижением переведен на адмиралтейство, где отмечен уже рядом не менее позорных провалов. Так, 5 октября 1914 года он прибыл в Антверпен и лично возглавил оборону города, который однако пал через пять дней его стараний, причем погибло 2500 солдат. А в 1915-м он стал инициатором т. н. Дарданелльской операции, закончившейся катастрофически для союзных войск (по некоторым данным, погибло около 250 тыс. военнослужащих) и вызвавшей правительственный кризис. Бездарность его руководства в качестве первого лорда адмиралтейства была настолько очевидна, что Черчиллю пришлось в декабре 1915 года уйти со стыдом и с этого поста и забиться в штабную щель во Фландрии на тихом участке фронта в звании простого майора. Но этот стыд еще напомнил о себе со всей возможной силой в 1940 году при разгроме английских войск под Дюнкерком...

Послужной список профессионально несостоятельного чиновника можно продолжать долго, но хватит и приведенных выразительных примеров.

Тем не менее по результатам опроса, проведенного радиовещательной корпорацией Би-би-си сравнительно недавно, в 2002 году, сэр Уинстон Леонард Спенсер-Черчилль был назван величайшим британцем в истории. Таково мнение самих англичан, и это просто поразительно! («Бесстыдной ложью введены в обман», – как сказал бы Шекспир.) Феномен...

Мало того. По устоявшемуся историческому недоразумению, Англия – а с ней, конечно же, Черчилль – числится среди победителей Второй мировой войны. Ниже я постараюсь развеять этот предрассудок. Но пусть пока он не развеян: кто сказал, что победителей не судят? Их можно и нужно судить за все, в чем они виноваты, как и обычных людей. Черчилль ушел от такого суда при жизни. Однако это не снимает с нас долга дать ему объективную и справедливую оценку, пусть даже через много лет после смерти.

Итак...

Пролог: Черчилль и евреи

Его собственная политическая карьера, казалось, текла среди водоворотов еврейской истории.

Мартин Гилберт

Личность влияет на ход истории. Иногда в очень сильной, а порой и в определяющей степени. Это факт, который косвенно признали даже марксисты, на словах эту роль отвергавшие, но на практике при этом установив культ личностей Маркса, Ленина, Сталина и других, классом ниже, именно за их роль в истории.

А что влияет на поведение личности? Что формирует ее мотивы? Увы, это частенько бывают мифы и/или собственные заблуждения. Скажем, у Гитлера – одни, у Черчилля – другие. И только Сталин, кажется, пережив увлечение религиозным мифом в своей семинарской юности, до конца затем сохранял трезвый ум, оставаясь во всем чистым прагматиком и не поддаваясь даже мифологии марксизма, толкая ее на свой лад по мере необходимости.

Чтобы глубоко проникнуть во внутренний мир Черчилля, постичь набор его мифологем, мотивы его политической деятельности, приходится начать с рассмотрения темы «Черчилль

и евреи». Одноименная книга Мартина Гилберта оказывает в этом деле поистине неоценимую помощь. Но не только она. В последнее десятилетие опубликованы и другие исследования, посвященные углубленному анализу отношений Черчилля, евреев, Израиля и т. п. Я имею в виду, в первую очередь, монографию гарвардского питомца Майкла Маковского «Черчилль и Земля Обетованная: сионизм и политика» [4 – Makovsky M. Churchill's Promised Land: Zionism and Statecraft. – New Haven: Yale University Press, 2007.] и биографию Черчилля, написанную профессором Иерусалимского университета Норманом Роузом [5 – Роуз Н. Черчилль. Бурная жизнь / Пер. с англ. Е. Ф. Левиной. – М.: АСТ, 2008.].

Откровенность всех этих новейших исследований не всем пришлась по вкусу. Видимо, в некоторых кругах созрело понимание того, что пропагандируемая ими неприкрытая и действенная юдофилия Черчилля, приведшая его от юности в лагерь сионистов, корректирует его биографию в нежелательную сторону в глазах массового читателя разных стран. И вот уже отмечаются активные попытки дезавуировать эту точку зрения. В частности, в журнале «Лехаим» за ноябрь 2009 года появилась статья трех авторов сразу (Станислав Кожеуров, Иван Фадеев, Алек Д. Эпштейн) под названием «Уинстон Черчилль и сионизм: история метаний». Пафос статьи задан фразой: «Хотя Черчилль порой то ли всерьез, то ли в шутку называл себя „сионистом“, его реальная политика на протяжении более чем тридцати лет доказывает, что его проеврейские и просионистские высказывания зачастую оставались не более чем риторикой» [6 – <http://callofzion.ru/pages.php?id=1085>. Источник: ЛЕХАИМ – ежемесячный литературно-публицистический журнал. ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2009 ХЕШВАН 5770—11 (211).]. Основной аргумент – Черчилль-де сделал недостаточно для предотвращения Холокоста или хотя бы уменьшения его масштабов. Ниже я подробнее остановлюсь на этой идее.

Ну, а пока я хотел бы ознакомить читателя с историческими фактами, почерпнутыми в литературе и архивах, красноречиво убеждающими нас в том, что Черчилль отнюдь не ограничивался риторикой (хотя устное и письменное слово всегда было его главным оружием политика, в полном соответствии с британской традицией). Нет, он был настоящим бойцом за дело сионизма, за права и интересы евреев, убежденным, настойчивым, упорным, не знающим усталости и каких-либо нравственных ограничений, использующим любые средства в борьбе. Именно таким предстает он осведомленному читателю, нравится это кому-то или нет.

Я отдаю предпочтение книге Гилберта как источнику, поскольку она есть плод колоссального и добросовестного труда, вобравший в себя огромный фактический материал, почерпнутый автором за сорок лет работы не только в очень многих журнальных и газетных статьях и заметках, книгах и монографиях, но и в государственных и негосударственных архивах, а также в личных собраниях писем и документов видных исторических деятелей эпохи [7 – Отмечу собрания архивов Правления организации британских евреев, Всемирного сионистского движения, Министерства обороны Израиля, Государственного департамента США, Д. Бен-Гуриона, Х. Вейцмана, Н. Чемберлена, Д. Эйзенхауэра, Д. Ллойд Джорджа, Г. Трумэна и мн. др.]. Однако выяснилось, что на один и тот же факт можно смотреть с очень разных точек зрения, и тогда его оценка способна измениться на прямо противоположную. В итоге книга оказалась наделена огромной разоблачительной силой, на корню уничтожающей симпатию к Черчиллю у любого, кто не является евреем и не потерял способность самостоятельно мыслить. Как в инфракрасном излучении, она позволяет заглянуть за слой краски и лака, нанесенный благодарными современниками и потомками, чтобы увидеть подлинный inferнальный облик этого политического деятеля. Гилберт проделал для этого всю необходимую работу, надо лишь посмотреть на его труд под несколько иным углом и немного переставить акценты [8 – Все ссылки на страницы этой книги даны в скобках в конце цитат.].

Миф Черчилля о евреях

Итак, у Черчилля, безусловно, был свой миф, которым он слишком во многом руководствовался в своих мыслях и поступках – и как частное лицо, и как государственный деятель. Это миф о евреях. Конечно, Черчилль, очень прагматичный и рациональный во всем, всегда зависел от еврейской поддержки – еврейских денег или от денег, добываемых для него евреями. Конечно, он понимал, как никто другой, также политическую силу евреев – и делал на них осознанную ставку. Но была у Черчилля и большая подлинная любовь к евреям – иррациональное чувство, двигавшее им. Оно зиждилось на вышеупомянутом мифе.

Это иррациональное увлечение возникло еще в детстве и проявилось необычно и сильно. «С самых ранних лет он увлекался историей еврейского народа. В годы учебы в Харроу он тщательно изучал Ветхий Завет. Эта книга стала источником его образования и дала питательную пищу его воображению. Одно из его первых школьных сочинений называлось «Палестина во времена Иоанна Крестителя». Описывая фарисеев, он просил своего читателя – в данном случае им был его преподаватель – не быть слишком строгим по отношению к этой «жесточкой» еврейской секте. «У них было множество недостатков, – писал он и тут же добавлял: – А у кого их мало?» (13). Странноватая позиция для юного христианина, весьма отдающая предательством, не так ли? Ведь, как известно, именно фарисеи настояли на распятии Иисуса Христа. Ну, распяли и распяли, зачем же строго их судить за это, в самом деле...

Запомним этот эпизод черчиллевской измены своим ради чужих, он будет не раз повторяться в другое время, в других обстоятельствах и по другим поводам, но останется прежним по сути.

Религия и мораль находятся, как понимает читатель, в нерасторжимой связке, они зачастую не могут существовать друг без друга, поскольку религия есть высшая санкция морали. Отстраивая и затем отстаивая свой миф о евреях, Черчилль, находясь в 1921 году в Иерусалиме, смело утверждал: «Мы в долгу перед евреями за возрождение системы этики в рамках христианского вероучения. Эта система, даже если ее полностью отделить от сверхъестественного, была самым драгоценным сокровищем человечества, равноценным плодам всех других учений, соединенных вместе. На основе этой системы и этой веры на развалинах Римской империи была построена вся существующая цивилизация» (375). О том, что Христос решительно отвергал, опровергал еврейскую этику, представленную тогда и потом именно фарисеями, а евреи в целом как раз таки жестко и необратимо отвергли этику Христа, Черчилль, разумеется, промолчал. Евреи для него уже прочно стояли вне критики.

Между тем в этой речи, ставшей весьма популярной, Черчилль лишь повторил одну из идей своей не самой известной статьи «Сионизм против большевизма: Борьба за душу еврейского народа», опубликованной в «Санди Геральд» еще 8 февраля 1920 года. В ней он опирался на тезис знаменитого еврея Бенджамена Дизраэли [9 – Дизраэли удостоен высокой чести быть захороненным в главном соборе Англии, в Вестминстерском аббатстве, где его мраморный памятник в полный рост (но, разумеется, в размер, намного превышающий оригинал) стоит среди церковной утвари и скульптур. Собор, битком набитый бюстами, памятниками, пышными надгробиями и памятными плитами и досками, вообще представляет собой загробную ярмарку тщеславия, но монумент Дизраэли выделяется особо своей напыщенностью.], который стал не только премьер-министром Англии, но и лидером партии консерваторов: «Господь Бог так относится к другим нациям, как эти нации относятся к евреям». В сущно-

сти, этот тезис – не что иное, как изложение верховного принципа Торы о еврейской исключительности, еврейском превосходстве, еврейской богоизбранности. Как видим, Черчилль как политик уже в молодые годы вполне уверенно апробирует этот принцип. Ему он следовал всю жизнь.

Увлечение Священной историей (иными словами, историей древних евреев) затянулось у Черчилля надолго, оно упорно не покидало его ум. Уже 55-летним, в 1931 году он вдруг с увлечением пишет эссе о главном пророке ветхозаветных евреев – Моисее; эссе публикуется в «Санди кроникл» 8 ноября 1931 года. Там автор выражает полную уверенность в том, что Моисей был не просто «легендарной фигурой», придуманной ради пользы дела. Он заверяет: «Мы верим, что научные взгляды и концепции окажутся в полной гармонии с буквальным толкованием Библии и надежно свяжут имя Моисея с одним из грандиознейших скачков, отмечаемых в человеческой истории». Мало того: «Это бродячее племя... ухватило и провозгласило идею, на которую оказались неспособны весь гений Греции и вся мощь Рима... Моисей был величайшим из пророков, говорившим лично с Богом Израиля» (123). Мог ли Черчилль при таком подходе сомневаться в богоизбранности евреев? Скорее, он свято верил в нее.

Подобные мысли сопровождали всю жизнь Черчилля, он придавал им чрезвычайно большое значение, хотя и был полным дилетантом в библеистике, а вел себя зачастую и вовсе как безбожник. Спустя еще тридцать лет, уже 85-летним, он подарил как ценный раритет и дорогой его сердцу сувенир один печатный экземпляр указанного эссе премьер-министру Израиля Бен-Гуриону.

Черчилль вообще много говорил и писал о евреях. Настолько, что даже не все, им написанное, попало в печать. Так, лектор Кембриджского университета Ричард Той неожиданно отыскал неопубликованную статью бывшего британского премьера о причинах гонений на евреев. Статья «Как евреи могут бороться с гонениями» была написана в 1937 году, в ней Черчилль говорит о том, что не только «злорада гонителей» является причиной плохого обращения с евреями на протяжении веков. Главным в отношении нееврея к еврею Черчилль называет то, что он «другой». «Он выглядит по-другому. Он думает по-другому. У него другие традиции и корни. Он отказывается быть принятым», – писал будущий глава правительства, подчеркивая инаковость настоящего еврея и еврейское стремление к самоизоляции. Это был достаточно глубокий взгляд, ведь евреи недаром говорят сами о себе словами Торы: «Вот народ, который живет отдельно и среди народов не числится». И не случайно во всех странах рассеяния, где только ни возникала еврейская диаспора, она немедленно создавала свои закрытые для неевреев зоны – гетто, где и проживала замкнуто по своим законам и установлениям, подчиняясь кагалу и тайному национальному суду Бет-дин, действующему параллельно и независимо от суда страны проживания [10 – Как показал в своих работах Яков Кац («Евреи в средневековой Европе (Замкнутость и толерантность)». – Иерусалим, 1992; «Кризис традиции на пороге Нового времени». – Иерусалим, 1991), стены всех гетто всегда строились с двух сторон.]. Такие наблюдения Черчилля говорят о том, что он не напрасно интересовался с детских лет еврейским народом и хорошо разглядел его специфику. «Евреи представляют собой счастливую общину, – писал он еще перед Первой мировой войной, близко познакомившись с жизнью евреев Манчестера, – потому что среди них царит корпоративный дух их нации и вера» (376). Под обаянием этих впечатлений от национальной солидарности, спайки евреев он находился всю жизнь.

Чем, кроме этого волшебного обаяния, можно объяснить, например, такие его рассуждения, вполне типичные для еврейской национальной мысли, но отвергаемые, как правило,

нееврейским ученым сообществом: «Есть народы, насчитывающие сотни миллионов человек, но оказавшиеся при этом неспособными произвести из своей среды хотя бы одного лауреата Нобелевской премии и сейчас благоденствующие за счет гениальных открытий евреев» (355). Поистине, не каждый еврей отважится на такое заявление, каким, не отводя глаз, мог козырнуть британский премьер!

Или вот: в ответ на упрек профессора Реджинальда Капланда, что палестинские арабы поставлены перед властями Великобритании в неравноправное положение по сравнению с евреями, а потому «чувствуют к себе холодность со стороны британских властей», Черчилль резко ответил: «Это зависит от того, какая цивилизация вам ближе» (153). Ему-то явно были ближе евреи, и он не только «не скрывал своих предпочтений», но хотел навязать их и парламенту, и правительству, и всей Англии, и всем англичанам. И все они в конечном счете расплатились за это так жестоко, как только возможно.

Весьма характерным можно считать признание Черчилля 12 марта 1941 года, которое он сделал ведущему сионистскому лидеру Хаиму Вейцману, которого он сравнивал с библейскими пророками [11 – При взгляде на фотографии Вейцмана последнее, что приходит в голову, это образ библейского пророка, честно говоря: личико у него было незначительное («скарденное», как говорили в старину) и малосимпатичное, чем-то схожее с Лениным.], в то время как у евреев-современников Вейцман пользовался прозвищем «царя иудейского». Черчилль на той встрече сказал, что им нет нужды долго разговаривать, потому что их мысли «на 99 процентов идентичны». И что когда бы они ни встретились, у него «переворачивается сердце». Он заверил также, что «никогда не подведет» Вейцмана (229). Это обещание он держал с самого момента знакомства и до конца. Ибо обманывал многих и часто, но никогда – евреев.

Когда Великобритания официально признает, наконец, Израиль, Вейцман, избранный первым президентом нового государства, направит именно Черчиллю благодарственную телеграмму. И Черчилль, ответив: «Я с удовольствием вспоминаю все наше долгое сотрудничество», припишет затем от руки: «Свет разгорается...» (342).

Гилберт, делая вывод о взаимоувязанности всей биографии Черчилля с еврейской темой, подчеркивает: «У него были коллеги-евреи и помощники-евреи. Он восхищался крупными историческими фигурами еврейского происхождения. Он сам совершенно ясно сказал во время обсуждения английским обществом проблемы еврейского терроризма в Палестине: „Еврейский народ весьма хорошо знает, что я – его друг“» (378). Уточню: еврейский терроризм, о котором идет речь, был обращен против англичан, и такое признание поистине дорого стоило. Оно было сделано другу-еврею в доверительной беседе, в то время как публично Черчилль вынужден был осуждать акты террора против британцев (12). На чьей же стороне в действительности был влиятельный политик, которого все по сей день считают защитником интересов Великобритании? Более подробный разговор об этом впереди, он не оставит у читателя и тени сомнений [12 – Здесь замечу только, что среди убитых еврейскими террористами был даже министр-резидент Великобритании в Каире и личный друг Черчилля лорд Мойн. Однако, подчеркивает Гилберт, «как ни раздражен и огорчен был Черчилль убийством Мойна, это убийство не поколебало его глубинной симпатии к сионистам» (284).].

Кто был для Черчилля своим, а кто чужим? Парадоксально, но свою собственную идентичность политик сам определял порой довольно неожиданно и своеобразно. Однажды он заявил подчиненному ему фельдмаршалу сэру Уильяму Слиму, главе генерального штаба:

«Фельдмаршал, посылая вас в Египет, я хочу сделать совершенно ясным одно обстоятельство: сам я сионист, и я хочу, чтобы вы исходили в своих действиях из этого» (354—355). Хорошая инструкция представителю военной мощи Британии от британского премьер-министра, не правда ли?

Подобные признания делались им не раз и не случайно. Весной 1946 года Черчилль находился в Соединенных Штатах. 18 марта он был почетным гостем на обеде, данном Бернардом Барухом в Нью-Йорке [13 – Б. Барух – влиятельный американский финансист и политик еврейского происхождения. Во время Первой мировой войны стал главой Военно-промышленного комитета и сыграл ключевую роль в переориентировании американской промышленности на военные нужды. Затем был личным экономическим советником президента Т. В. Вильсона, после чего оставался неизменным спутником президентов Гардинга, Гувера, Рузвельта и Трумэна. Занимался преимущественно вооружениями, атомной бомбой в том числе.]. Один из присутствующих, видный экономист Элиша Фридман, на следующий день написал Черчиллю: «Вы глубоко тронули меня, сказав, что вы – сионист» (308). Возвращаясь из Соединенных Штатов на борту лайнера «Куин Мэри» и знакомясь со списком пассажиров, Черчилль узнал, что на борту находится Барнет Дженнер, с которым он двадцать лет назад работал в комитете в поддержку сионизма в палате общин. Он пригласил Дженнера на чашку кофе в свою каюту, и первыми его словами при встрече были: «Я – сионист» (349)...

Наконец, в ходе официального визита в США во время своего второго премьерства летом 1954 года, отвечая на вопросы корреспондента на пресс-конференции, Черчилль вновь заявил: «Я – сионист».

Вот так манера представляться! Никто Черчилля за язык не тянул, таково было его свободное самоопределение. Надо, разумеется, иметь в виду, что сионизм – это не только движение за переселение евреев всего мира из стран рассеяния в Палестину, как иногда приходится слышать от его апологетов. Это еще и светская разновидность доктрины еврейского превосходства, имеющая религиозную основу, но секуляризованная в XX веке. Именно из-за этой особенности Генеральная Ассамблея ООН в своей знаменитой Резолюции №3379 от 10 ноября 1975 г. приравнивала сионизм к расизму и расовой дискриминации [14 – В 1991 году после крушения СССР и восточного блока, которые всегда поддерживали на Ближнем Востоке арабов, а не евреев, Резолюция №3379 была отменена по инициативе Израиля и США, но это конъюнктурное обстоятельство не отменяет факта ее принятия. Что было, то было.]. Но это было уже после смерти Черчилля, так что он еще не слишком рисковал своей репутацией, делая такие заявления насчет самого себя. Однако и пройти мимо них честному историку – невозможно.

Такого же рода свидетельств о том, сколь привилегированное место занимали евреи в уме и душе Черчилля, очень много, и об этом были отлично осведомлены его современники, как враги, так и друзья. К примеру, Гилберт вспоминает, как 1 сентября 1969 года он «провел целый день в беседе с сэром Эдвардом Льюисом Спирсом – генералом, многолетним другом Черчилля и его соратником по военной службе, по занятиям историей и по работе в парламенте». Убедившись, что Гилберт намерен создать полный и достоверный портрет Черчилля, Спирс доверительным тоном произнес: «Даже у Уинстона был один недостаток – он был слишком привязан к евреям» (11).

«Привязанность» – это не холодный политический расчет, который может легко быть изменен в изменившихся обстоятельствах. Тут уж, как говорится, сердцу не прикажешь. В этом нас убеждает весь жизненный путь сэра Уинстона.

Семейная традиция – чисто английский фетиш

Интересно выглядит Уинстон Черчилль со своими представлениями о еврействе не только сам по себе, но и в рамках семейного портрета.

Симпатии Черчилля к евреям были так велики, так откровенны и так необъяснимы, что в наше время в Израиле была даже сделана попытка приписать ему еврейское происхождение по его матери, леди Рэндольф Черчилль, урожденной Дженни Джером. Стремление найти объяснение его чрезвычайной юдофилии через поиск еврейских корней более чем естественно. Эту попытку предпринял в 1993 году Моше Кох, якобы выяснивший, что отец Дженни, американский финансист и бизнесмен Леонард, изначально носил фамилию Якобсон, которую сменил затем на Джерома. Но на самом деле линия Джеромов может быть прослежена вполне четко с 1717 года, когда эмигрант Тимоти Джером высадился на берег Нового Света [15 – Черчилль порой ронял замечания о своем «экзотическом происхождении», но это был лишь отголосок легенды о некоем ирокезе, якобы оказавшемся в числе его предков по материнской линии.], так что версия о еврейской крови в жилах Черчилля не может считаться подтвержденной.

Зато отец Уинстона Черчилля, лорд Рэндольф Черчилль, – уж это совершенно точно – «был известен своей тесной дружбой с евреями. Завсегдатаи британских клубов сплетничали о том, что у него было много друзей-евреев, а члены семьи упрекали его за то, что он приглашал евреев к себе домой» (13). Друзья и знакомые из числа англичан даже подтрунивали над ним за это, иногда с грубоватой прямоотой. Но сын преклонялся перед памятью отца и даже опубликовал в 1906 году его двухтомную биографию, а также назвал в его честь своего сына. «Когда-нибудь я стану государственным деятелем, таким же, как мой отец», – делился он юношеской мечтой со своим врачом. Поэтому неудивительно, что пример, поданный досточтимым родителем среди прочего в отношении евреев, был Уинстоном воспринят и усвоен. Таким образом, его зависимость от евреев началась еще до вступления во взрослую жизнь и даже без его воли.

Между тем «евреи, с которыми его отец был знаком и которых он приглашал к себе в дом, были выдающимися людьми, сумевшими многого добиться в жизни. Одним из них был „Нэтти“ Ротшильд – первый барон Ротшильд, глава лондонской ветви банкирской семьи Ротшильдов, ставший в 1885 году первым евреем – членом палаты лордов. Другим был родившийся в немецком Кельне сэр Эрнест Кассель – банкир, близкий друг принца Уэльского, будущего короля Эдуарда VII» (14). «Другой хорошо знакомой Черчиллю ветвью семейства Ротшильдов была семья Леопольда Ротшильда, в чьем доме в Ганнерсбери, неподалеку от Лондона, он обедал в 1895 году в бытность свою младшим офицером британской армии и с сыном которого, Лайонелом, ставшим впоследствии членом парламента от партии консерваторов, он дружил... Родители Черчилля дружили также с родившимся в Австрии бароном Морисом де Гиршем, ведущим еврейским филантропом; они были частыми гостями в его доме в Лондоне» (15). Поистине, не имей сто рублей, а имей сто таких друзей, как у папы Черчилля.

Рэндольф Черчилль умер от сифилиса, оставив после себя долги, когда Уинстону было всего 21 год. (Жить в долг было для Рэндольфа привычкой – недаром при его вступлении в брак будущий тесть, богач, был вынужден внести за зятя 2000 фунтов и в дальнейшем настоял на раздельном пользовании супругов капиталами.) Мать Черчилля, красotka, известная в свете своими внебрачными романтическими отношениями с весьма высокопоставленными любовниками – помимо Берти, принца Уэльского, в их число входили чешский аристократ Карл

Кински, король Сербии Милан IV Обренович, сэр Уильям Гордон-Камминг, граф де Брейтель и др., – не могла, однако, содержать семью на должном уровне. Юный Уинстон оказался в нелегком положении. К счастью для него, отец оставил в наследство ему не только финансовые затруднения, но и своих еврейских друзей. О том, как это помогло Уинстону выжить, расскажу ниже.

«После смерти лорда Рэндольфа Черчилля в 1895 году еврейские друзья его отца продолжали дружить с его сыном. Лорд Ротшильд, сэр Эрнест Кассель и барон де Гирш часто приглашали его к себе» (16). Черчилль очень дорожил такими отношениями и не только сам берегся чего-либо, могущего бросить на них тень, но и всю семью (как старшее, так и младшее поколение), если так можно выразиться, перевел на юдофильские рельсы.

В частности, вот примечательный эпизод. В 1906 году кузен Уинстона, девятый герцог Мальборо, возмутился рецензией в газете «Дейли телеграф», разнесшей в пух и прах двухтомное сочинение Черчилля о своем отце. Весьма влиятельную газету редактировал еврей, Генри Леви-Лоусон, и оскорбленный читатель направил ему гневное письмо, а копию – Уинстону, написав при этом: «Я не позволю евреям утверждать, что члены моей семьи бесчестны, не ответив им крепче, чем они ожидают». Он добавил, пытаясь вразумить кузена: «С евреями нельзя обращаться столь же доброжелательно, как это принято между христианами». Но Черчилль не последовал его примеру. Он не внял голосу родни и даже не откликнулся, явно не желая осложнять свои отношения с еврейским сообществом Англии и сделав потому вид, будто ничего не произошло, проглотив оскорбление памяти отца и своего собственного труда (28).

А вот не менее показательный случай: в 1907 году в своем письме Черчилль поучает родную мать, предостерегая ее против включения в свои мемуары антисемитского, как ему мнилось, пассажа об одном из ведущих британских политиков лорде Гошене: «Я не думаю, что история про Гошена заслуживает опубликования. Она оскорбит не только семью Гошена, но и евреев вообще» (18—19).

Всю жизнь Черчилль неустанно стремился не просто пестовать, но и преумножать свои еврейские связи, и вся семья помогала ему в этом. К примеру, особые отношения его матери с новым королем Эдуардом VII, сложившиеся еще в бытность того принцем Уэльским, обогатили Черчилля знакомством с несметно богатым выходцем из Багдада, евреем-сефардом Реувеном Сассуном. Его племянник Филипп Сассун (в матери которого, кстати, текла кровь Ротшильдов), ставший впоследствии министром общественных работ, а там и министром авиации Великобритании, сделался довольно близким другом Черчилля и нередко принимал его в своем поместье Порт Лимн на побережье Ла-Манша.

Не только свою мать, но и жену, и сына, и дочь Черчилль старался держать в орбите дружеских, близких отношений с евреями. Характерен такой, например, эпизод из его биографии. Оказавшись после войны временно не у дел, Уинстон засел за книгу «История англоязычных народов», в которой особое внимание уделил знаменитому британскому политику еврейского происхождения Бенджамину Дизраэли, графу Биконсфилду. Работая над посвященной ему главой, он в течение нескольких месяцев жил на принадлежавшей его еврейскому другу и сотруднику Эмери Ривзу вилле «Да Пауза» на юге Франции, где по вечерам играл в свою любимую карточную игру безик с баронессой Жанной де Ротшильд, супругой венского богача Ротшильда. В работе над книгой ему помогал специально приехавший во Францию молодой еврей Морис Шок, преподаватель Университетского колледжа в Оксфорде. А в те же

дни супруга экс-премьера Клементина Черчилль находилась на высокогорном швейцарском курорте Санкт-Мориц, где водила дружеское знакомство с нью-йоркским евреем Льюисом Эйнштейном (364).

Черчилль даже свою родную дочь показательно назвал Сарой, что, конечно же, не могло не вызвать одобрительной улыбки у его еврейских друзей. (Именно ей, кстати, сэр Уинстон доверит со временем зачитать его послание во время торжественного заседания в Карнеги-холле 29 апреля 1952 года по случаю четвертой годовщины независимости Израиля.) Но тут любящий отец попал в ловушку, сотворенную собственными руками, потому что семейная юдофилия Черчиллей обернулась для него неприятным сюрпризом, когда любимая дочь достигла двадцатидвухлетнего возраста.

В чем суть этого дела? Она в том, что дочь Черчилля Сара в 1936 году сбежала из дома с очаровавшим ее Виктором Оливером фон Самеком – тридцативосьмилетним евреем, дважды разведенным актером и пианистом, выступавшим на радио с комическими номерами и более широко известным под своим сценическим псевдонимом Вик Оливер. Черчиллю пришлось смириться с этим фактом. Со временем Сара вышла-таки замуж за Оливера (это был первый из трех ее браков), а Черчилль приобрел зятя-еврея. А еще два года спустя Черчилль обратился к постоянному помощнику министра внутренних дел с просьбой предоставить зятю британское гражданство. «Хотя, – пришлось признаться ему в своем ходатайстве, – первоначально я был против его брака с моей дочерью» (174—175). Но деваться политику-сионисту было некуда: ведь это все были плоды его воспитания, следствие семейной атмосферы.

История эта станет понятнее российскому читателю в своем психологическом содержании, если вспомнить, что дочь замечательного российского актера и режиссера Никиты Михалкова вышла замуж за грузина, несмотря на огорчение отца. Но кто же виноват в этом? Ведь Михалков так долго и так широко сам уверял всех в том, что русским может считаться любой, кто любит Россию... В решающий момент ему нечего было возразить против выбора дочери. Еще ближе по аналогии к черчиллевской ситуации пример академика Дмитрия Лихачева, чья дочь также вышла замуж за еврея, после чего академику пришлось по поводу и без него делать громкие анти-антисемитские заявления, хотя никто его к тому не вынуждал...

Что ж, семейные узы – дело нешуточное. Теперь Черчилль оказался через свою легкомысленную дочь (она многое делала вопреки отцовской воле, включая выбор профессии актрисы и танцовщицы, а также склонность к алкоголю) привязан к евреям так крепко, как никогда.

Впоследствии он и сына принес на тот же алтарь. Еще до войны Рэндольф вошел в число почетных членов президиума еврейской молодежной организации «Маккаби». А уже во время войны, в 1944 году, заброшенный с парашютом в Югославию к маршалу Тито, Рэндольф Черчилль действовал там как связной Еврейского агентства (он же Сохнут, в 1920 году возглавленный Хаимом Вейцманом). Год спустя в Лондоне Рэндольф Черчилль отчитывался Вейцману о том, как «пытался спасти 115 евреев в Югославии» (260—261). Несомненно, и в этом рискованном выборе рода деятельности сказались еврейские связи и симпатии, традиционные для семейства Черчиллей.

О том, насколько эти симпатии были безотчетны и глубоки, говорит поразительный факт: в годы Второй мировой войны не кто-нибудь, а Виктор Ротшильд, недавно ставший третьим бароном Ротшильдом, лично занимался проверкой получаемых Черчиллем подарков в виде еды и сигар на предмет обнаружения в них яда (14). Не соплеменнику-англичанину, а именно

еврею-инородцу доверил Черчилль свою жизнь! Может ли найтись свидетельство более многозначительное и выразительное?

Что ж удивляться, если сын Уинстона Черчилля Рэндольф, отлично осведомленный обо всех этих обстоятельствах, написал в примечании к первому тому официальной биографии отца: «Уинстон Черчилль не ограничивал свою потребность в общении с новыми интересными личностями посещениями одних лишь домов евреев. В этот период он иногда встречался и с гоями» (16). Как указывал еще М. Попов в «Полном словаре иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке» (1907), гой – это «общее еврейское название для всех неевреев; гой – звучит с оттенком презрения». Если это и юмор, то, признаться, довольно специфический. Английский?

Не только сыну, но даже и внуку экс-премьера (тоже Уинстону и тоже военному корреспонденту и политику) передавалась юдофилия как родовое свойство семейства Черчиллей. Совместно со своим отцом Рэндольфом (сыном сэра Уинстона) он написал и издал в Иерусалиме в 1975 году книгу «Шестидневная война», проникнутую пиететом перед Израилем, который они именуют «одной из наиболее достойных восхищения стран». Таким образом, перед нами как минимум четыре поколения одной семьи, в основе менталитета которой лежит осознание еврейского превосходства.

Разумеется, потомственные любовь, восхищение, почитание, привязанность и другие подобные чувства по отношению к евреям ни в коем случае не являются чем-то предосудительным для кого бы то ни было. Даже для государственного деятеля. Во всяком случае, если эти чувства искренни, бескорыстны и не вступают в противоречие с долгом перед родиной такого юдофила. Сердцу ведь, как уже сказано, не прикажешь.

Я склонен думать, что в случае с Черчиллем все именно так и было, по большому счету. Но вместе с тем вряд ли кто-то станет оспаривать, что Черчилль менее всего был идеалистом, политиком не от мира сего. А равно вряд ли кто-нибудь рискнет утверждать, что он не учитывал вполне земные и конкретные обстоятельства, делающие еврейство значительной финансово-экономической и политической силой.

Попробуем посмотреть на дело с этой точки зрения: не выяснятся ли некие важные подробности, проливающие свет на жизненный выбор и жизненный путь «величайшего британца», как именуют Черчилля соотечественники?

Но для начала попробуем разобраться и понять, что представляло собой еврейское сообщество в Англии времен Первой и Второй мировых войн, когда решались судьбы белой расы – Европы, а с нею и всего мира. Каким был общественный и политический вес британского еврейства – хотя бы в самых общих чертах.

Очерк английского еврейства

В 1320 году после ряда ожесточенных погромов евреи были изгнаны из Англии, как из многих национальных государств средневековой и возрожденческой Европы, начиная с Древней Руси (1113) и до Испании (1492). О причинах этого здесь не сужу. В течение трех с половиной столетий этот запрет не нарушался, евреев в Англии не было. Но в эпоху Кромвеля, остро нуждавшегося в средствах, амстердамский еврей Мейнаше Бен-Израэль обратился к диктатору с предложением снова разрешить евреям свободный въезд из-за границы,

и тот в 1655 году успел разрешить группе евреев не только въехать в Альбион, но и приобрести земельные участки для кладбища и синагоги. Переселение евреев в Англию шло вначале из Португалии и Испании, где их заставляли принимать христианство (т. н. марраны), а с XVIII века также из Италии и Франции. К 1850 году евреев в Англии насчитывалось уже около 45 тысяч человек, это была богатая и влиятельная группа. В 1847 году барон Лионэль Ротшильд был избран в парламент Англии от Лондонского Сити, а сэр Соломон в 1855 году был избран лорд-мэром Лондона. В 1866 году, впервые за всю историю Англии, еврею барону Ротшильду было пожаловано звание лорда. А уже Бенджамин Дизраэли дважды, в 1868 и 1874 годах, становится премьер-министром, в 1876-м графом Биконсфилдом и членом палаты лордов. И т. п.

Резкие изменения в истории еврейской общины начались, когда в Англию из переполненной евреями российской Черты оседлости хлынул поток еврейских эмигрантов: с 1881 по 1906 г. въехало более 370 тысяч евреев. Образовались немалые еврейские анклавы (в частности, в Манчестере), где, как это всегда и везде бывало, жизнь текла по еврейским правилам. Опираясь на мощно возросшую диаспору, еврейские финансисты, предприниматели и связанные с ними политики стали массово занимать высокие места в истеблишменте Великобритании.

К 1920 годам, когда Уинстон Черчилль получил довольно широкую известность как политик, внушительное еврейское лобби уже имело солидную историю и опиралось на ряд крупных фигур. С тех пор как крещеный еврей Дизраэли стал занимать высшие должности в английском государстве и, пользуясь этим, провел в 1858 году билль о допущении евреев в парламент, общественная жизнь Великобритании существенно изменилась, наполнившись еврейским присутствием.

К примеру, даже одна из основных английских партий – либеральная – долгое время возглавлялась евреем Гербертом Самуэлем. Племянник президента Союза еврейских общин Англии Стюарта Самуэля, он был избран депутатом в английский парламент в 1902 году и считался одним из лучших теоретиков либерализма. В 1905 году Самуэль занял пост вице-министра внутренних дел, с 1918 года по 1920 год был председателем Королевской статистической комиссии. А в 1920 году он назначается верховным комиссаром Палестины (для нашей повести это очень важно) и занимает этот пост до 1925 года.

Легендой британских евреев был сэр Руфус Айзек. Аптекарский ученик, сбежавший из дому, чтобы стать судовым юнгой, впоследствии сделался популярным адвокатом. В 1904 году этот видный поборник либерализма впервые вошел в палату общин. Но затем стал лордом, верховным судьей и как барон Ридинг-оф-Эрлей вступил в палату лордов, превратившись потом, последовательно, в английского маркиза и ближайшего друга и конфиденанта короля Георга. Наконец, в 1919 году он занял самый высший пост после английского короля, став вице-королем Индии. Будучи самым младшим из двадцати семи маркизов Британской империи, он, однако, имел ни с кем не сравнимое влияние на политику Британской империи.

Еврей Альфред Монд, он же лорд Мельчетт, был прозван в Англии «фельдмаршалом британской промышленности», «химическим королем Англии». Заправляя десятками компаний и ворочая десятками миллионов фунтов стерлингов, он был членом британского парламента с 1905 по 1928 год, побывал также министром здравоохранения и был возведен в достоинство пэра. Но для нас он интересен тем, что был ярким приверженцем сионистского движения, председателем Сионистской Федерации в Англии и председателем Совета «Еврейского агентства», во главе которого стоял Хаим Вейцман.

Еврей Лео Эмери побывал за свою жизнь военным министром, министром колоний в правительстве Болдуина (являясь горячим сторонником создания «духовного еврейского центра» в Палестине, обернувшегося со временем Израилем). В 1927 году журнал «Тайм» отнес его к наиболее влиятельным членам кабинета. При Черчилле, с которым вместе учился в Харроу-Скул, он в 1940 году будет назначен министром Индии, сосредоточив в своих руках большую власть.

К числу влиятельных евреев черчиллевской эпохи относится Лесли Исаак Хор-Белиша, барон Девенпортский. Учился в Оксфорде, в 1923-м был избран членом палаты общин от Девенпорта, а уже в 1931-м стал председателем Национальной либеральной партии и вошел в правительство в качестве финансового секретаря казначейства. В 1934—1937-м министр транспорта, в 1937-м занял пост военного министра. Был в числе членов кабинета, настоявших 2 сентября 1939 на немедленном объявлении войны Германии. В мае 1945-го Черчилль предложил Хору портфель министра национального страхования.

Список можно продолжить. Но гораздо более обширным может оказаться перечень крупных политиков и бизнесменов чисто английского происхождения, связанных с евреями родственными узами или опирающихся на евреев как на ближайших помощников. Так, крестным отцом одного из сыновей военного министра Джэффа Купера стал Отто Кан, совладелец банкирского дома «Кун, Леб и К

», финансиравший большевистскую революцию в России. Наследник лорда-председателя совета министров виконта Галифакса женился на внучке Ротшильдов. Отец премьер-министра Невилла Чемберлена своей карьерой был обязан еврейской поддержке, почему и разделял идею сионистов о переселении евреев в Палестину. Сводный старший брат Невилла Чемберлена Остин какое-то время пользовался репутацией главы мирового еврейства. Родной брат министра торговли сэра Вальтера Рэнсимана женился на еврейке Леман, а товарищ морского министра Стенлей женился на одной из Ротшильдов; родная сестра министра торговли Оливера Стэнли вышла замуж за одного из Ротшильдов, а министр пенсий Гервальд Рамбошам женился на еврейке де Штейн, причем его секретарем состоял сэр Эдер Хор, отчим военного министра еврея Хора-Бейлиша. Личным секретарем премьера (в 1923—1924-м, 1924—1929-м, 1935—1937-м) Стэнли Болдуина был еврей Фрей; личной секретаршей лидера лейбористов и премьер-министра (в 1924 и 1929—1931-м) Макдональда – еврейка Розенберг. Постоянным секретарем лорда-канцлера виконта Хейлсхема был еврей сэр Клод Шустер, а его родной брат, сэр Малкольм Хог, был женат на дочери еврейского магната Гомертса.

И так далее. Министры, лорды, пэры Британии еврейского происхождения стали обыденной реальностью к моменту вхождения Черчилля в высшие слои английской политической атмосферы и бизнеса. Так что Черчилль, оглядываясь вокруг себя, видел вполне однозначную картину еврейского могущества и влияния и мог делать соответствующие выводы хоть каждый день. Он их и делал, соревнуясь со многими другими сообразительными политиками своего отечества.

Удивительно ли, что некоторые журналисты окрестили Англию в XX столетии «мечом Израиля», а глава Британской Имперской фашистской лиги Арнольд Лиз (1878—1956) как-то назвал Лондон «Новым Иерусалимом». «Мы призываем Его Величество короля Георга VI, – писал Лиз накануне войны, – к тому, чтобы он раз и навсегда положил предел дьявольским триумфам еврейского дракона для того, чтобы Британия смогла бы снова жить своей собственной

самобытной жизнью и в своей международной ориентации смогла бы следовать своему собственному голосу, а не еврейским указаниям, толкающим сейчас Лондон на разрыв и осложнения с гитлеровской Германией».

Но кто из серьезных политиков в Англии стал бы прислушиваться к словам политического маргинала? Неудивительно, что Арнольд Лиз вообще обрел и дурную славу, и нелегкую судьбу в своем возлюбленном отечестве [16 – В 1929 году, разочаровавшись в Британском союзе фашистов Освальда Мосли, Арнольд Лиз основал Имперскую фашистскую лигу. В 1936 году ему были предъявлены обвинения по факту публикации двух статей в июльском номере газеты «Фашист». Лиз был признан виновным в антисемитизме и приговорен к 6 месяцам тюремного заключения. В начале Второй мировой войны Лиза интернировали на основании Инструкции 18-В. В 1947 году он снова полгода находился в тюремном заключении за участие в помощи членам войск СС, подвергавшихся тотальному преследованию по всему миру.], в отличие от нашего героя. Плетью обуха он не перешиб.

Сила сильных мира сего

Черчилль, догадавшийся обратиться за поддержкой к евреям, не один был такой умный не только в Англии, но и во всем мире. Я приведу в пример лишь нескольких политиков, но этого будет вполне достаточно, чтобы многое понять, поскольку речь пойдет и о близкой нам материи: российской истории на роковом переломе начала XX века. Три ключевые фигуры политической жизни того времени – Александр Керенский, Павел Милюков, Владимир Ульянов (Ленин) – соперничали, а то и воевали друг с другом, представляя интересы разных классов и сословий, олицетворяя основные движущие силы революции. Но при этом каждый из троих отлично понимал роль и силу еврейского фактора и пытался задействовать его в свою пользу, конкурируя с соперниками.

Не всегда видимая простым глазом еврейская составляющая всех русских революций была на деле мейнстримом российской политической жизни и задолго до Февраля, и, особенно сильно и эффективно, в Феврале 1917 года. С середины первого десятилетия XX века вела свою деятельность организация, которая существовала под разными именами, но в двух ипостасях – тайной и явной, хотя состояла из одних и тех же лиц. Ее вдохновителем и руководителем был Александр Браудо (масон высокой степени посвящения, как предполагает Еврейская энциклопедия), создавший «Еврейскую демократическую группу», «Союз для достижения полноправия еврейского народа в России», а после выборов в 4-ю Государственную думу в 1912 году – «Политическое бюро для оказания помощи депутатам-евреям». В это Политбюро вошли представители всех еврейских политических партий, кроме крайне левых. Кроме того, под руководством Браудо действовала сеть информационных агентств.

Тайная власть и влияние названных организаций были немалыми. Нельзя не напомнить читателям в данной связи, что верховный правитель России Александр Керенский изначально был ставленником евреев. Именно от них осенью 1910 года адвокату Керенскому, уже дальновидно проявившему себя поборником еврейских прав, поступило предложение (устаами Л. М. Брамсона, члена упомянутого Политбюро) баллотироваться в Государственную думу по списку Трудовой группы. Так стартовала звездная карьера политика, на всем протяжении которой симбиоз Керенского и организованного еврейства всячески укреплялся. Всем своим политическим весом, к примеру, молодой депутат ринулся на еврейскую чашу весов в известном деле Бейлиса, забыв при этом закон и приличия до такой степени, что был осужден на восемь месяцев тюрьмы, от чего его избавила депутатская неприкосновенность, лишить

которой его попытались власти, но также безуспешно. Рьяному защитнику еврейства отныне открылись такие тайные ресурсы, о которых он и мечтать не мог. В июне 1913 года Керенского, никогда не бывшего предпринимателем, избирают для пробы председателем IV Всероссийского съезда работников торговли и промышленности. Известный русский националист депутат Н. Е. Марков-Второй откомментировал это так: «Депутат Керенский, насколько мне известно, да и вам тоже, адвокат – во всяком случае, не приказчик; может быть, приказчик еврейского кагала, но это в переносном смысле». В первом кабинете министров Временного правительства Керенскому был предоставлен важнейший пост министра юстиции. Понятно, что, когда летом 1917 года дело дошло до переизбрания главы правительства, в ход были пущены те же рычаги (плюс масонские связи, что давно уже не секрет).

Не один Керенский, сознавая тайную власть и могущество евреев, стремился заручиться их поддержкой, искал с ними союза. Это было свойственно революционерам, левым партиям вообще.

Недаром П. Н. Милюков еще в 1915 году разразился докладом «Еврейский вопрос в России», ведь этот вопрос всегда был в центре внимания партии конституционных демократов («кадетов»). Исследователю Николаю Коняеву удалось уже в наши дни разыскать в архиве Санкт-Петербургской ФСК и опубликовать поразительное по откровенности и точности формулировки письмо, где Милюков признавался одному из активистов Союза русского народа И. В. Ревенко: «Вы знаете, что цель наша ограничивалась достижением республики или же монархии с императором, имеющим лишь номинальную власть; преобладающего в стране влияния интеллигенции и равные права евреев» [17 – Еще в 1901 году Милюков сблизился с Браудо, который, по его словам, играл «большую роль в тайных сношениях только что образовавшихся тогда социалистических партий» и «лично вел свои конспиративные дела, известные только посвященным». Браудо еще тогда помогал ссыльному Милюкову налаживать «сношения с Петербургом». Неудивительно, что впоследствии Милюков и его партия рьяно отстаивали еврейские права. – Милюков П. Н. Воспоминания. – М., Вагриус, 2001. – С. 173.]. Ближайшими опорными сотрудниками главы влиятельной партии кадетов были евреи Винавер, Бак, Гессен, Ганфман и другие.

Недаром и Ленин, обгоняя политконкурента Милюкова, еще 28 марта 1914 года подготовил и опубликовал для внесения большевистской фракцией в Думу законопроект под названием «Проект закона об отмене всех ограничений прав евреев и всех вообще ограничений, связанных с происхождением или принадлежностью к какой бы то ни было национальности». Сам, будучи еврейского происхождения, Ленин всегда был плотно окружен евреями, опирался на них.

Это своеобразное соперничество за влиятельного союзника выставляет наших политиков-революционеров как опытных прагматиков. Не говоря уже о том, что руководство всех левых партий было в весьма высокой степени представлено евреями (а в какой-то мере и партии кадетов). Ну, а после революции массовая женитьба большевиков и вообще людей при власти на евреях как залог успешной карьеры, а равно женитьба влиятельных евреев на русских женщинах «из бывших» давно стали притчей во языцех.

Аналогично обстояло дело и в других европейских странах, где даже произошли революции, совершенные с опорой на местное еврейство как на ударную, движущую силу: в Германии, Венгрии. Но и не только там.

К примеру, во Франции был вынужден прибегнуть к поддержке евреев, которую он давно выслуживал годами, такой видный политик, как Жорж Клемансо по прозвищу «Тигр», которому довелось быть премьером в годы Первой мировой войны и разрабатывать условия мира для Германии и «Версальской системы» в целом. Он был уже матерым политическим деятелем, когда его еврейские связи вдруг оказали ему дурную услугу в 1893 году, всплыв в разгар панамского скандала и громких разоблачений, главный герой которых еврей Корнелий Герц находился с Клемансо, как писали газеты, «в подозрительных сношениях». В результате Клемансо лишился репутации, а с нею депутатского мандата, и его карьера, как многим казалось, подошла к концу. Однако вскоре он нашел остроумный выход. Превратив свою газету «Аврора» («Заря») в трибуну дрейфусаров и защищая Дрейфуса, как впоследствии Керенский – Бейлиса, опубликовав знаменитое письмо Эмиля Золя «Я обвиняю!», Клемансо сумел аккумулировать такие средства и иные возможности, что уже в 1898 году «с почетом вернулся в политическую жизнь, откуда его вытолкнула причастность к панамскому скандалу» [18 – Василий Молодяков. Рождение «Действия» из «дела Дрейфуса». – Вопросы национализма, №23, 2015. – С. 55.]. И с тех пор Клемансо более не покидал французский политический Олимп вплоть до 1920 года, когда потерпел неудачу на президентских выборах.

Этот пример, конечно же, не прошел мимо внимания не только Керенского в будущем, но и Черчилля в настоящем. Обращу внимание читателя: Черчилль, посетивший Париж именно в 1898 году, в разгар дела Дрейфуса, был свидетелем всех общественных страстей по данному поводу и, конечно же, ловкого демарша Клемансо. Он прочел письмо, опубликованное последним в «Авроре», и писал по этому поводу матери: «Браво, Золя! Я счастлив быть свидетелем полного провала этого чудовищного заговора» (16). Несомненно, был им отмечен и новый взлет Клемансо [19 – Он вообще следил за этим деятелем и даже присвоил в будущем для своей знаменитой Фултонской речи не менее знаменитую метафору Клемансо насчет «железного занавеса», которым следовало отгородиться от Советской России. С тех пор, как пишет Палм Датт, «во всем мире считают, что этот термин был изобретен гением сэра Уинстона Черчилля».], и внутренняя связь указанных событий.

Кошелек и жизнь

Итак, Черчилль весьма рано осознал возможности, предоставляемые современному политику причастностью к еврейскому лобби, и сполна этими возможностями воспользовался, поставив от них в зависимость уровень своей жизни и карьерного успеха. Чтобы не быть голословным, приведу факты из книги Гилберта.

Прежде всего – деньги. Тут у нашего героя было на что оглянуться, чей опыт перенять. Дело в том, что работа Черчилля над книгой по истории семьи привела его на места сражений его прямого предка, известного полководца герцога Мальборо (он же Мальбрук в русском фольклоре) [20 – Кстати – об этом приходится упомянуть – в работе над книгой ему помогал опять-таки еврей, профессор истории Льюис Намьер, которого одно время Черчилль даже прочил в соавторы.]. И вот что всплыло в ходе исследования.

«Главным интендантом армии Мальборо во время Войны за испанское наследство (1701—1714) являлся еврей Соломон де Медина, который первым из исповедовавших иудаизм евреев Англии получил рыцарское звание. Медина снабжал Мальборо не только продовольствием, но и деньгами и важной военной информацией. Позднее Медина обвинил герцога в том, что тот получал от него 6 тысяч фунтов в год в обмен на контракты по снабжению, дав официальные показания об этом в Комиссии по счетам. Объясняясь перед комиссией, Маль-

боро ссылался на то, что подобная практика ранее всегда разрешалась генералам и главнокомандующим, поскольку расценивалась „как дополнительная привилегия“, полагавшаяся им по должности» (125—126).

Сообразительный потомок учел опыт предка: ничто ведь не ново под луной. Смешивать интересы Британии со своими собственными и извлекать из этого выгоду с помощью евреев стало фирменным почерком Черчилля-политика.

Порой его собственные признания на этот счет просто поразительны. Так, он прямо писал, что Великобритания «никогда не искала никакой выгоды в Палестине. Мы более четверти века выполняли эту неблагодарную, болезненную, дорогостоящую, тяжелую, неудобную миссию, и выполняли ее весьма успешно» (318). Но так же прямо он умолчал о том, что эта миссия ему лично приносила громадные дивиденды – за счет своей страны, не имевшей в том выгоды и впрямь. Подробности будут ниже.

Все началось еще в юности, когда Уинстон осиротел, потеряв отца. Как уже упоминалось выше, близкие дому Черчиллей богатые и влиятельные евреи не оставили 21-летнего юношу на произвол судьбы. Сразу же «друг его отца сэр Эрнест Кассель предложил Черчиллю свои услуги в качестве финансового советника. Черчилль, заработавший написанием книг и статей свой первый капитал, согласился с предложением Касселя, сказав ему: «Кормите моих овец». Этим банкир и занялся. Разумно и удачно вложив заработки Черчилля в доходные бумаги, он со временем заметно преумножил его сбережения. При этом Кассель ничего не взял за свои услуги.

Когда Черчилль в 1899 году готовился к поездке в Южную Африку в качестве военного корреспондента, ему потребовалась финансовая поддержка для закупки необходимого снаряжения. Лорд Ротшильд выделил ему тогда 150 фунтов стерлингов, а Кассель – 100 фунтов. Общая сумма, поступившая Черчиллю в качестве поддержки от этих двух банкиров, равнялась годовому доходу семьи среднего класса тех лет. В 1902 году, на второй год пребывания Черчилля в парламенте, Кассель обеспечил ему участие в выпущенном японским правительством займе на сумму в 10000 фунтов (в нынешних деньгах – 500000 фунтов). Черчилль написал своему брату Джеку об этой финансовой операции: «Я надеюсь получить от этого небольшую прибыль». В 1905 году Кассель оплатил меблировку библиотеки в холостяцкой квартире Черчилля в лондонском районе Мэйфэр. Финансовая поддержка со стороны Касселя была постоянной. Доходы от акций железной дороги «Этчисон, Топека и Санта-Фе», купленных им для Черчилля в 1907 году, позволили политику оплачивать услуги машинистки. Когда Черчилль в 1908 году женился на Клементине, Кассель подарил им на свадьбу 500 фунтов стерлингов, то есть около 25000 фунтов в пересчете на нынешние деньги» (17).

В 1906 году на летних вакациях Уинстон Черчилль отправился путешествовать по Европе. «При этом он посетил Эрнеста Касселя на его вилле в Швейцарских Альпах, Лайонеля Ротшильда, вместе с которым путешествовал по Италии, и барона де Фореста в замке Эйхштатт в Моравии. Все трое были евреями» (28). Дальновидный 32-летний политик уже в том далеком году готовил себе плацдарм, действуя по тому же алгоритму, что в разное время и Керенский, Милюков, Ленин, Клемансо...

Мы вряд ли узнаем когда-либо подробности тех встреч и бесед Черчилля на виллах его еврейских покровителей. Знаем лишь, что последовало далее. Вернувшись после каникул в Лондон, Черчилль первым делом женился. А вторым – отправился в центр еврейской диас-

поры Англии, в Манчестер, где выступил с речью на митинге в поддержку Еврейского больницы фонда. Таковы были приоритеты начинающего английского политика.

В дальнейшем «в своем избирательном округе он делал периодические взносы в пользу еврейской столовой, еврейского молодежного клуба, еврейского теннисного и крикетного клуба. Газета «Таймс» описывала посещение им еврейской больницы, религиозной школы талмуд-тора и клуба еврейских рабочих, где он сказал, что «не может представить себе лучшего способа объединить еврейскую общину, чем создание подобных клубов». Черчилль добавил, что, посетив больницу и школу талмуд-тора, он был «очень тронут той работой, которую проводит там еврейская община». Он считал, что «люди могут объединиться лишь на базе какого-то основополагающего общего принципа. В этой части Манчестера евреи сохраняют дух своего народа и свою веру». Он посоветовал им сохранять и поддерживать этот дух, сказав: «Это замечательная вещь, которая объединяет вас, дарит вам вдохновение и является источником вашей силы» (29).

Было бы, разумеется, нисколько не странно, если бы с подобными целями и речами он обращался к английским обывателям, шел бы в английские больницы и школы, английские клубы и кружки, религиозные общества. Если бы об англичанах думал и заботился, помогал им деньгами. Однако не к англичанам, а именно к евреям оказались обращены заботы молодого Черчилля в начале карьеры. Впрочем, вот вопрос: на чьи деньги он помогал евреям, ведь своих-то у него еще не было? Не для того ли он и посещал летом богатых евреев, чтобы иметь возможность потом евреям же благотворительствовать, но только бедным?

Так или иначе, его опорной базой на годы стал еврейский Манчестер, его главным электоратом – еврейская диаспора. Таким был его истинный старт как политика.

Но карьерный рост Черчилля в зависимости от еврейских связей мы рассмотрим позже. А пока уместно было бы вспомнить факты извлечения Черчиллем доходов из его высоких должностей, из положения в государственной иерархии. То есть о том, что вытекало из соединения личных интересов с государственными и что у нас обычно называют коррупцией. Берясь за эту тему, надо отчетливо понимать, что взаимосвязь между решениями и их последствиями в таких делах не всегда прямая и непосредственная («утром деньги – вечером стулья») и что умные коррупционеры, как правило, не оставляют следов, извлекая доход порой весьма замысловатыми и многоходовыми комбинациями. Но положение, как говорится, обязывает и свидетельствует зачастую само за себя.

К примеру, еще в годы Первой мировой войны для производства взрывчатого вещества Великобритании в огромном количестве (тридцать тысяч тонн) потребовался ацетон, вообще отсутствовавший на рынке. Государство готово было платить за него сполна, не торгуясь, только бы было предложение. Кому же первый лорд адмиралтейства Уинстон Черчилль поручил его изготовление, с кем заключил контракт? Этим счастливец оказался руководителем Еврейского агентства, главный идеолог и лоббист сионизма в мировом масштабе Хаим Вейцман. Впоследствии он вспоминал: «Я получил карт-бланш от Черчилля и от порохового отдела адмиралтейства и взялся за работу, потребовавшую от меня всей моей энергии в течение последующих двух лет, работу, которая привела к последствиям, которых я не мог даже представить себе». Гилберт комментирует: «Одним из таких последствий явилось сотрудничество Х. Вейцмана с преемником Черчилля на посту первого лорда адмиралтейства Артуром Бальфуrom. Вейцману удалось убедить Бальфура поддержать идею создания еврейского наци-

онального очага в Палестине, которую можно было бы осуществить после поражения Турции в Первой мировой войне» (40—41).

Оставим пока в стороне политическую составляющую сделки, хотя запомним взаимную связь трех имен. Но пусть читатель оценит: Вейцман фактически получил из рук Черчилля монополию на производство ацетона в масштабах всей империи. Можно себе представить, какую сказочную прибыль приносят подобные контракты!

Закулисный союз, сложившийся в результате между Черчиллем, Вейцманом и Бальфу-ром, еще не раз выражался в финансовых и деловых соглашениях. Например:

«В бытность Черчилля министром финансов Х. Вейцман обратился к британскому кабинету с просьбой предоставить правительственные гарантии займу, предназначенному для целей экономического развития Палестины... Заем, объяснял Вейцман, «требовался лишь для единственной цели – создания благоприятных возможностей для создания еврейских поселений в Палестине, как предполагалось условиями британского мандата».

Лорд Бальфур, являвшийся автором Декларации Бальфура и лордом-президентом Тайного правительственного совета Его Величества, в качестве старшего члена кабинета поддерживал проект предоставления займа. Перед обсуждением этого вопроса в кабинете министров он устроил встречу Черчилля и Вейцмана в своем лондонском доме» (115—116).

Важное свидетельство предварительного сговора единомышленников! Дух огромных денег все время веял вокруг этого небольшого слаженного сообщества из трех человек.

Как министр финансов, хорошо осведомленный о первостепенных потребностях страны, Черчилль, конечно, должен был бы воспротивиться уходу денег «на сторону». Тем не менее он, как и участвовавший в сговоре Бальфур, поддержал на заседании кабинета идею займа. Как ни странно, патриотичный кабинет отверг этот план, Бальфур и Черчилль остались в меньшинстве, заем не состоялся. Что обещал им Вейцман и чего они лишились, помимо репутационных издержек, отважно выступив вразрез позиции собственного кабинета, мы, конечно, не узнаем. Но о том, что Черчилль вступил в должность министра финансов Великобритании, уже подготовленный к совместному с евреями ведению личного бизнеса, нам достоверно известно.

Дело в том, что, когда в 1922 году правительство Ллойд Джорджа потерпело поражение, Черчилль на пару лет лишился и реальной власти, и парламентского кресла. Его попытка вернуться в палату общин, где он заседал уже почти два десятка лет, оказалась безуспешной. На этот раз его репутация юдофила сработала не за, а против него: избираться пришлось в округе Западный Лестер, а не в Манчестере или Данди, и где бы Черчилль ни пытался выступать, «он постоянно сталкивался с обвинениями в том, что во время войны он оказывал покровительство богатым евреям-бизнесменам, позволяя им получать незаконные доходы. Это обвинение... получило весьма широкое распространение» (112). Как видно, эксклюзивный подряд на ацетон, выданный Вейцману, был далеко не единственным благодеянием такого рода. Конечно, как у нас говорят, не пойман – не вор, за руку Черчилля никому схватить не удалось, но ведь и дыма без огня не бывает.

Итак, Черчилль временно утратил былые возможности лоббиста. Но те, кому он так рьяно споспешествовал в минувшие годы, не дали ему пропасть.

«Видный представитель еврейской общины в Великобритании сэр Роберт Уэйли Коэн попросил его стать посредником на переговорах с британским правительством о слиянии двух его частных нефтяных компаний с Англо-Персидской нефтяной компанией, в которой держателем большинства акций являлось британское правительство...

Черчилль согласился представлять компании Коэна на переговорах с британским правительством. За свое посредничество он получил 5000 фунтов – сумму, эквивалентную годовой зарплате члена кабинета министров. Черчилль признавался своей жене, что когда он попытался узнать у своего бывшего личного секретаря в адмиралтействе сэра Джеймса Мастертона-Смита, допустимо ли ему выступать на таких переговорах в качестве посредника, то Мастертон-Смит «посоветовал ему быть крайне осторожным в этом вопросе по веским политическим причинам». Однако Черчилль, который недавно приобрел поместье Чартуэлл в графстве Кент (откуда деньги? – А. С.), остро нуждался в деньгах для осуществления дорогостоящей перестройки своего нового дома. Поэтому он обратился по этому вопросу непосредственно к премьер-министру Стэнли Болдуину, попросив его не возражать против объединения компаний. При этом Черчилль не желал предавать огласке свое обращение к премьеру. Он писал Клементине: «Я проник в резиденцию премьера на Даунинг-стрит, войдя через основной вход Министерства финансов, чтобы избежать комментариев. Это очень позабавило Болдуина».

Однако все прошло гладко. «Мой разговор с премьером был весьма благоприятным, – сказал Черчилль Клементине. – Он полностью поддержал проект соглашения об объединении компаний исходя из представленных условий. Он говорил об этом так, что можно было вообще подумать, что я разговариваю не с ним, а с самим Коэном. Я уверен, что все получится». В своих воспоминаниях Черчилль написал, что на этой встрече Болдуин сказал ему, что «нынешнее положение и перспективы дальнейшего существования Англо-Персидской компании внушают ему беспокойство, поэтому он отнюдь не возражает против уменьшения доли правительства в компании. К тому же он в принципе выступает против участия британского правительства в нефтяном бизнесе, исходя из общеполитических и экономических соображений. В этой связи ему представляется целесообразной продажа принадлежащих правительству акций компании частным инвесторам, и он полагает, что сумма в двадцать миллионов была бы хорошей ценой, которую можно было бы выручить за эти акции» (116).

Как приятно, должно быть, обсуждать на таком уровне подобные круглые цифры! Интересно, какова была цена этого вопроса, решенного келейно? Что Черчилль пообещал Болдуину с подачи Коэна? И что в действительности рассчитывал получить (получил?) сам помимо пяти тысяч фунтов, несообразно малых на фоне таких цифр?

Впрочем, в это время перед Черчиллем забрезжили новые, более важные возможности, и он уведомил Коэна, что вынужден-де отказаться от своей деятельности по слиянию компаний, потому что собирается «вернуться к общественной жизни». Вскоре Черчилль вернулся-таки в парламент от округа Эппинг, после чего Болдуин немедленно назначил его – кем бы вы думали? – министром финансов. Таким стал во всей этой ситуации его личный итог, его главный приз со всеми вытекающими из высокого назначения последствиями. А, кстати, 5000-то ведь он уже получил и дело сделал, договоренности достиг. Это ли не коррупция? На новом посту Черчилль продолжал мирволить евреям, как о том нам красноречиво рассказала история с займом для сиониста Вейцмана.

Поскольку Черчилль преданно оказывал большие и малые услуги евреям на протяжении всей своей жизни, служа не за страх, а за совесть, то и дивиденды за это ему приходили всю жизнь [21 – Известность Черчилля не только в английских, но и в международных еврейских кругах уже к началу Первой мировой войны была весьма велика и обеспечивала ему симпатии. В частности, об этом говорит такой эпизод. «В его дивизии переводчиком с французского языка работал тридцатилетний лейтенант-еврей Эмиль Герцог, впоследствии ставший известным как писатель Андре Моруа... Позже Моруа писал: «Я не смею надеяться, что он заметил какого-то безвестного француза, который лишь смотрел на него с немым восхищением» (42—43). Должен пояснить: для нас это непривычно и нелогично, но во Франции французом традиционно называют любого гражданина этой страны, отчего порой возникают нелепые недоразумения.]. Уже 78-летним, «осенью 1952 года, через шестьдесят лет после своей первой встречи с первым лордом Ротшильдом, Черчилль познакомился с другим членом семьи Ротшильдов – майором Эдмундом де Ротшильдом. Это произошло после того, как Джозеф Смолвуд, премьер-министр Ньюфаундленда, предложил Черчиллю реализовать план использования энергии Великих водопадов высотой 245 футов для создания там источника энергии не только для Восточной Канады, но и для всего восточного побережья Северной Америки. Черчилль, который за тридцать лет до этого поддерживал своим политическим авторитетом сионистский проект электрификации в Палестине, в поисках источников финансирования этого грандиозного проекта обратился в банк Ротшильдов в лондонском Сити «Н. М. Ротшильд и сыновья» – в банк, который он впервые посетил более полувека назад. Один из партнеров банка, Эдмунд де Ротшильд, воевавший во время войны во Франции, в Северной Африке и Италии, взялся организовать финансирование проекта, учредив для этого специальную холдинговую компанию «Бринко».

Три года спустя, уйдя в отставку с поста премьер-министра, Черчилль приобрел пакет акций «Бринко». Именно Эдмунд де Ротшильд – «мистер Эдди», как его называли в банке, постоянно информировал его о продвижении работ над проектом. После смерти Черчилля Джозеф Смолвуд и Эдмунд де Ротшильд, вместе явившиеся на похороны, чтобы почтить память Черчилля, стоя у его гроба в Вестминстерском аббатстве, решили переименовать Великие водопады в водопады Черчилля. «Они носят это имя и сегодня, – писал позднее Эдмунд де Ротшильд, – вырабатывая все свои 5255 миллионов киловатт!» (348).

Что ж, Черчилль сделал поистине хорошее вложение. Но, конечно, не только тогда, когда под конец жизни купил пакет акций «Бринко», а напротив, в начале жизни, когда сделал главную ставку на евреев. И это касается не только его политической и финансовой биографии, но и личной, и творческой.

Однажды, за пару лет до Второй мировой войны, Черчилль написал статью на важную для него тему: должны ли евреи, где бы они ни жили, искать возможности самим бороться с преследованием немецких евреев властями Германии, или они должны предоставить это дело правительствам стран, в которых они живут. (Политик идейно укреплял позицию по защите евреев от Гитлера.) Статья имела резонанс.

С этого момента он был включен в весьма эффективный литературно-коммерческий проект, приносивший ему немалые дивиденды до конца дней, а его семье и после того. Ибо с Черчиллем начал активно сотрудничать предприимчивый и оборотистый литературный агент, венгерский еврей Имре Ревеш, впоследствии известный под именем Эмери Ривз. Ривз, чья семья была расстреляна вместе с более чем 1200 другими евреями в оккупированной Венгрии

части Югославии, сотрудничал с Черчиллем не за страх, а за совесть и почитал это за честь. Но и об обоюдной выгоде при этом отнюдь не забывал.

«В начале 1930-х годов Ривз создал в Берлине специальное литературное агентство для распространения в прессе статей ведущих европейских демократических политиков. С приходом Гитлера к власти Ривз был вынужден перевести свое агентство в Париж. Там он снова начал расширять число публикуемых им антинацистски настроенных авторов. 25 февраля 1937 года Черчилль и Ривз впервые встретились в Лондоне, и Черчилль согласился предоставить Ривзу исключительные права на публикацию своих статей, «представляющих международный интерес», за пределами Британской империи и Северной Америки.

Ривз брал на себя организацию переводов и, где возможно, одновременную публикацию статей во всех европейских странах. Ривз должен был платить Черчиллю 60 процентов выручки за каждую проданную статью с гарантированным минимумом в 25 фунтов. Обычно он помещал статьи Черчилля каждые две недели в двадцати пяти европейских странах, в том числе в газетах, выходящих в семнадцати европейских столицах: Париже, Копенгагене, Стокгольме, Брюсселе, Люксембурге, Осло, Хельсинки, Риге, Таллине, Праге, Вене, Варшаве, Каунасе, Афинах, Белграде, Бухаресте и Будапеште. Статьи Черчилля регулярно публиковались также в выходивших на идиш газетах в Варшаве, Вильнюсе и Каунасе, давая возможность трем крупнейшим еврейским общинам Восточной Европы выслушивать предостережения Черчилля. Ривз также помещал его статьи в двух выходящих в Палестине газетах – тель-авивской газете на иврите «Гаарец» и иерусалимской англоязычной «Палестайн пост» (177—178).

Подсчитал: у меня получилось как минимум 1250 фунтов в месяц – очень большие деньги по тем временам. Ривз знал свое дело.

По окончании Второй мировой войны после поражения на выборах Черчилль официально возглавил оппозицию, но лишь изредка посещал заседания палаты. Теперь он в основном занимался литературной деятельностью, заключив ряд крупных контрактов с периодическими изданиями – такими, как журнал «Life», газеты «The Daily Telegraph» и «The New York Times», – и рядом ведущих издательств. Работа над военными мемуарами частенько шла на юге Франции в имении все того же Эмери Ривза, и Ривз вел переговоры о продаже прав на их издание в Соединенных Штатах. При этом ловкий агент «не только обеспечил Черчиллю поступление значительного аванса от американских издателей, но и сумел продать мемуары тринадцати европейским издательствам и израильскому издательству в Тель-Авиве, выпустившему эту книгу в переводе на иврит. Шесть томов, озаглавленных „Вторая мировая война“, были сосредоточены на проблемах британской политики, борьбе вооруженных сил Великобритании и рассказывали о том, как Черчилль руководил войной» (332). Это уже были совсем другие деньги...

Результат поражает воображение. Сам Черчилль однажды в ответ на предложение одного из издателей передать ему право издания книги, которую пишет, заявил: «Я не пишу книгу, я делаю состояние». Амбициозное издание стало для него настоящим предприятием, в котором он использовал множество людей: военно-морских, военных и военно-воздушных экспертов, ученых, историков, литераторов, делавших огромную работу: отбор материала, проверку фактов, подготовку справок. Кроме них, на Черчилля в две смены по восемь часов работала группа подготовленных секретарей. А сверх того, пользуясь возможностью войти в историю, Черчиллю охотно помогали своими воспоминаниями по частным поводам бывшие военные, политические деятели и бизнесмены, причастные к военным событиям.

Тем временем Ривз провел беспрецедентную пиар-кампанию. В результате Черчилль получил на руки уникальное произведение, спрос на который превысил самые смелые расчеты и надежды. Все крупнейшие англоязычные (и не только) журналы конкурировали за право первыми опубликовать главы этого труда по мере их написания. Как пишут, один только журнал «Лайф» (США) заплатил за такое право около 2 миллионов долларов. Однако ведь и многие другие журналы публиковали черчиллевскую историю войны, а в ряде стран этот массивный шеститомник выходил отдельными изданиями в течение долгих лет. Ну и, кроме всего этого, Черчилль получил Нобелевскую премию прежде всего за эту свою историю. Неудивительно, что газета «Санди таймс» итожила в 1965 году: «Очень немногие авторы в двадцатом столетии получили больше денег от своих книг, чем Черчилль».

Перед нами, конечно, показательный факт: судьбу своего главного литературного детища Черчилль смело вручил еврею (как в годы войны вручил еврею охрану своей жизни). Знал, что может вполне довериться и рассчитывать на лучшие условия, на максимальный профит. Это был точный расчет матерого дельца от политики. Ведь Ривз, как и некогда Виктор Ротшильд, был не случайной фигурой, его отношение к Черчиллю было искренне наилучшим.

Факт прямой зависимости материального благосостояния Уинстона Черчилля от многих евреев с разными, в том числе очень большими, финансовыми возможностями – неоспорим. Этого одного было бы достаточно, чтобы ответить на вопрос об истинных мотивах его политической деятельности. Но в неменьшей степени от евреев зависела, помимо кошелька, также и карьера английского политика.

В Вестминстер через Манчестер

Еще во время военной службы в Индии в 1897 году «Черчилль мечтал найти газету, которая согласилась бы печатать его военные корреспонденции. «Лорд Ротшильд мог бы устроить это для меня, – писал он матери, – потому что он знаком со всеми». По возвращении из Индии весной 1899 года, желая начать политическую карьеру, он вновь рассчитывал на помощь Ротшильда. Во время приема в лондонском доме лорда Ротшильда он с радостью заметил, что другой гость банкира, министр финансов А. Дж. Бальфур «очень вежлив со мной – и мне кажется, что он согласен с тем, что я говорю, ведь он внимательно слушал все, что я говорил» (16).

Отметим про себя этот факт, ведь ясно, что сложившаяся в тот год триада «Ротшильд – Черчилль – Бальфур» со временем, как мы помним, легко преобразуется в триаду «Черчилль – Бальфур – Вейцман». Спайка Черчилля с Бальфуром, так же, как и он, зависимым от евреев, состоялась еще задолго до событий, начавших определять судьбы мира после Первой мировой войны. Это имело важные последствия.

Светские знакомства Черчилля вообще со временем будут конвертированы в политические связи, об эффективности которых позволяет судить пунктир его назначений: с декабря 1905 года он занимает пост заместителя министра по делам колоний, в апреле 1908 года министра торговли и промышленности, в феврале 1910 года министра внутренних дел, с октября 1911 года он первый лорд адмиралтейства, в июле 1917 года министр вооружений, а в январе 1919 года – военный министр и министр авиации.

Бытует мнение, что Черчилль вошел в политику благодаря своим личным достоинствам: военному мужеству и таланту публициста. И действительно, впервые он попал в парла-

мент от округа Олдхем, населенного текстильными рабочими, проголосовавшими за него как за молодого героя Верхнего Нила и просторов Судана, за автора книги «Речная война». Тогда Черчилль занял позицию в стане консерваторов, партии тори.

Конечно, отрицать личные достоинства этого трудоспособного, волевого и талантливого человека не приходится. Но всего подобного, как мы знаем из множества примеров, недостаточно для карьерного взлета. Он должен был на кого-то опираться, кто-то должен был поставить ему плечо, снабдить средствами, которых у обедневшего потомка герцогов Мальборо не было, дать публичную высокую трибуну, обеспечить «паблик рилейшенз». Без мощной поддержки Черчилль в дальнейшем не занимал бы высокие министерские посты и не был дважды премьер-министром Великобритании...

Как ему удалось выйти на эту орбиту? Сам ли он совершил это или кто-то помог ему подняться? Такое не делается в одиночку: политика – это командная игра. И работяги из Олдхема не многое могли в этом плане, они не обеспечивали перспективу.

Выход нашелся. Черчилль недолго пробыл консерватором, уже к 1904 году он, взвесив шансы, перешел в лагерь либеральной партии. «Тогда его консервативные избиратели из Олдхема объявили, что больше не будут его поддерживать. Нуждаясь в приобретении нового, либерально настроенного электората, он принял предложение баллотироваться от округа Северо-Западного Манчестера, где треть избирателей составляли евреи» (20). И это оказался верный шаг, он вновь стал депутатом.

Как покажет будущее, Черчилль в принципе не владел подходом к сердцам простого английского большинства, не зная и зная не желая его нужд и чаяний, не обращаясь к его заветным интересам. (Характерное признание сделала Клементина, супруга Черчилля, заявившая лорду Чарльзу Морану в апреле 1945 г., что «Уинстон всегда смотрел на мир как бы в шорах... Он ничего не знает о жизни простых людей. Он никогда не ездил в автобусе и только один раз был в метро».) Он предпочел игру на другом поле и нашел оригинальный и беспроигрышный вариант в смысле электоральной базы. Он поставил на евреев. Для начала даже не всемирных, или хотя бы великобританских, или хотя бы лондонских, а всего лишь – манчестерских, густо населявших этот небольшой пригород столицы. Но ему этого хватило на первый раз. А уж в дальнейшем подключились и силы иного масштаба.

Как уже рассказывалось, в Манчестере Черчилль посещал подряд различные еврейские организации и благотворительствовал, что называется, направо и налево. И это не осталось незамеченным. От Черчилля стали ждать более серьезных дел. Так на деле началась история его возвышения – и одновременно его история как самого главного защитника еврейских интересов в Англии, а может быть, и во всем мире.

* * *

«Вскоре Черчилля пригласили в Манчестер для выступления по поводу вопроса общенационального значения: проекта закона об иностранцах, внесенного в парламент правительством консерваторов. Этот закон имел целью сократить приток еврейских иммигрантов из царской России, бежавших от преследований и нищеты. Одним из главных сторонников Черчилля в манчестерском отделении либеральной партии был Натан Ласки, президент Старой еврейской конгрегации Манчестера и руководитель еврейской больницы Манчестера. Он всячески поддерживал кандидатуру Черчилля в качестве нового парламентария от Манчестера, считая

это абсолютно необходимым и неотложным для того, чтобы предотвратить прохождение в парламенте закона об иностранцах, ущемлявшего интересы прежде всего иммигрантов-евреев.

В мае 1904 года Натан Ласки представил Черчиллю материалы и документы по поводу закона об иностранцах. Эти материалы включали и официальную иммиграционную статистику. На основе этих материалов Черчилль подготовил детальный критический обзор предлагавшегося правительством законопроекта. Он отправил его и самому Ласки и опубликовал в виде открытого письма в газетах...

Натан Ласки писал Черчиллю из Манчестера: «Благодарю вас за блестящее письмо, полученное сегодня утром. Вы заслужили благодарность еврейской общины не только Манчестера, но и всей страны». 31 мая 1904 года, в день, когда письмо Черчилля с критикой антисемитизма было опубликовано, он формально вышел из рядов консервативной партии и присоединился к либеральной оппозиции» (20—23).

Точнее сказать, отступил на заранее подготовленные позиции. Выбор на всю жизнь был сделан, жребий брошен (не в отношении партийности, конечно, которую Черчилль легко менял не раз, исходя из конъюнктуры). Случайного в этом выборе не было, думается, ничего. Не зря газета «Сан» подчеркивала, что Черчилль противодействовал законопроекту по прямому указанию лорда Ротшильда. Это обвинение основывалось на заметке в еврейской «Джуиш кро-никл», где рассказывалось о митинге в Манчестере, на котором «мистер Натан Ласки сказал, что он беседовал с мистером Уинстоном Черчиллем, встречавшимся с лордом Ротшильдом по поводу законопроекта об иностранцах. В результате этой встречи мистер Черчилль возглавил противодействие законопроекту в Большом комитете парламента» (23). Майор Вильям Эванс-Гордон, один из тех членов Большого комитета, которые противились еврейской иммиграции, заявил, что Черчилль «верно следовал инструкциям, полученным от той группы людей, по поручению которых он действовал» (23—24).

После такой публичной рекомендации рассчитывать на победу где-либо, кроме Манчестера, уже не приходилось. Но не в характере Черчилля было отступать. Разумеется, он объявил все эти нападки клеветой и удвоил усилия по критике законопроекта, который, как он уверял, препятствует прибытию в Великобританию «честных, но бедных людей». В результате, «чтобы не попасть в неловкую ситуацию, правительство было вынуждено вообще снять законопроект с обсуждения. Поддержав евреев, Черчилль победил» (24).

Черчилль победил, зато Англия проиграла. В начале XX века проблема с цветными иммигрантами еще не стояла так остро, как в конце столетия. А вот с иммигрантами-евреями — уже стояла. Черчилль определился в этом вопросе сразу и навсегда и был последователен. Задыхаясь сегодня от наплыва инородцев-иммигрантов со всего мира, англичане должны знать, кого за это благодарить [22 — Парадокс в том, что вскоре проект закона об иностранцах, также ограничительного характера, был внесен уже правительством либералов. И был принят, несмотря на все противодействие, которое пытался оказать Черчилль этому, по его словам, «глупому законодательному акту», и на «горькое разочарование» еврейской общины. Черчилль оказался в еврейском вопросе либеральнее либералов, своих однопартийцев, пойдя таким образом сразу против двух главных партий своей страны. То есть против самой Англии, по сути дела. В первый, но далеко не последний раз.]

Ну, а в те дни благодарить Черчилля должны были, вне всякого сомнения, евреи, особенно приехавшие из России, беспрепятственный въезд которых в Великобританию он так

энергично поддержал. Кстати, на митинге в Манчестере по поводу еврейских погромов в России, где Черчилль стал главным оратором, «среди присутствовавших был химик и активный сионист доктор Хаим Вейцман, родившийся на территории царской России и лишь за год до этого переехавший в Великобританию из Женева». Так начались отношения, прервать которые смогла только смерть.

Поведение Черчилля в парламенте, где он умудрился восстановить против себя не только консерваторов, от коих переметнулся к либералам, но и своих новых соратников либералов, противодействуя их согласованным инициативам, не осталось незамеченным английским обществом. И это общество ясно дало ему понять, какого оно мнения об этом его политическом поведении. Получив в апреле 1908 года пост президента Торговой палаты, Черчилль был обязан – таковы правила – пройти через переизбрание в парламент. И вот в том самом Манчестерском округе, где он недавно с триумфом победил, его неожиданно «прокатали» избиратели, и Черчилль потерял депутатское кресло.

В чем дело? Что случилось? Неужели евреи, чьи интересы он так рьяно защищал, отвернулись и предали своего благодетеля? Нет, ни в коем случае. Один из лидеров манчестерской еврейской общины, Джозеф Дальберг, написал Черчиллю после поражения: «Утешением для меня служит то, что я сделал все, что мог, для вашего успеха, и в том, что касается ваших еврейских избирателей, вы не должны были быть разочарованы. Если бы другие группы избирателей так же сплотились вокруг вас, вы бы выиграли с большим перевесом. Согласно нашим подсчетам, на вашей стороне было не менее 95 процентов еврейских избирателей» (34). Нет, дело то как раз в том, что своей проеврейской позицией Черчилль настолько отличился и прославился, что совершенно осточертел остальным двум третям избирателей и резко оттолкнул всех неевреев, которые не захотели дольше терпеть еврейского агента, политика-юдофила, и дружно восстали в небывалом единении, чтобы не дать ему победить.

Теперь ему пришлось искать для новой попытки выборов отдаленнейший избирательный округ, где его либо совсем не знали, либо знали понаслышке с хорошей стороны лишь как героя войны и бойкого военного журналиста. Такой округ (Данди) нашелся почти в другой, можно сказать, стране – в Шотландии...

«Тигры сионизма», Черчилль и еврейское лобби

Итак, Черчилль снова в парламенте – и снова на страже еврейских интересов. И вскоре ему пришлось защищать их всей силой государства, ибо он был в 1910 году, несмотря на молодость и неопытность, назначен министром внутренних дел (закулисная история этого ни с чем не соотносимого назначения мне неизвестна, увы), сосредоточив в своих руках огромную власть. А как раз уже в 1911 году, в августе, в Англии разразился еврейский погром, первый в ее новейшей истории. И «разруливать» ситуацию довелось сэру Уинстону. Но об этом эпизоде биографии Черчилля я расскажу в свое время. А пока – новые этапы карьеры нашего героя.

Вкратце назову некоторые его высокие должности, разительно не соответствовавшие ни опыту, ни способностям. В 1905—1911 годах он последовательно являлся заместителем министра колоний, министром торговли, министром внутренних дел (кстати, в этом качестве Черчилль предоставил Хаиму Вейцману британское гражданство), наконец, военно-морским министром (1911—1915). Но тут его ждал скандальный провал с т. н. Дарданелльской операцией, после которого карьера оказалась на два года прервана.

В 1917 году Ллойд Джордж вернул Черчилля из политического небытия, предложив ввести его в состав коалиционного правительства, и в 1918—1922 годах сэр Уинстон возглавлял военное и авиационное министерства. В этот период жизни ему приходилось тесно сотрудничать со многими еврейскими дельцами и политиками (что зачастую одно и то же). «Одним из тех, с кем Черчилль работал вместе в своем новом министерстве, был сэр Альберт Стерн, генеральный директор Управления по производству танков и убежденный сионист. Другим ведущим сотрудником Министерства вооружений был эксперт в области взрывчатых веществ полковник Фредерик Натан, еврей по национальности. Под его началом работал Хаим Вейцман» (43). Но самое главное, в качестве члена кабинета министров Черчилль в 1921—1922 годах отвечал за разработку статуса еврейского национального очага в Палестине. Сегодня, по прошествии почти ста лет, основное содержание его деятельности той поры историк может усмотреть именно в этом.

Как и в первый раз, когда избиратель «прокатил» Черчилля на выборах из-за его подчеркнутого филосемитизма, в 1923 году англичане снова не захотели видеть в парламенте открытого лоббиста еврейских интересов. Его попытка баллотироваться в парламент от округа Западный Лестер провалилась. Одним из ярких противников Черчилля был поэт лорд Альфред Дуглас, который читал по всей Англии публичные лекции, рассказывая о связях Черчилля с еврейскими, как сказали бы теперь, олигархами. Особенным успехом пользовался рассказ о том, как «в результате тайного плана, разработанного богатыми британскими евреями во главе с сэром Эрнестом Касселем, сразу после Ютландской битвы в 1916 году британское адмиралтейство, возглавлявшееся тогда Артуром Бальфуром, издало официальное коммюнике, в котором говорилось, что сражение было тяжелой неудачей для Великобритании. Удручающий тон коммюнике оказал непосредственное влияние на курс британских акций на Нью-Йоркской бирже, который резко упал. Воспользовавшись этим, еврейские заговорщики тут же скупили эти акции по бросовой цене. Затем Черчилль, действовавший в сговоре с евреями и с тем же Бальфуром, издал другое коммюнике. В нем говорилось, что сражение оказалось гораздо более успешным для Великобритании, чем считалось ранее. Акции сразу же поднялись до нового высокого уровня. Заговорщики немедленно продали их, получив в результате огромную прибыль. Согласно Дугласу, еврейские финансисты выплатили за это Черчиллю 40 000 фунтов», что эквивалентно более чем миллиону фунтов в 2006 году.

Будучи допрошен по данному поводу в суде, Черчилль на вопрос, имело ли «второе коммюнике адмиралтейства» какое-то «отношение к манипуляциям акциями на какой-либо бирже в мире?», не моргнув глазом отвечал: «Эта мысль никогда не приходила мне в голову». Затем его спросили: «Получили ли вы от этого какой-либо доход?». На это он, естественно, ответил: «Нет» (112—113). А что еще он мог сказать?!

Ну, на «нет» и суда нет. Доказать свое обвинение Дугласу не удалось, ведь его противники были не так глупы, чтоб оставлять следы... Однако он опубликовал текст своей обвинительной речи в виде брошюры, не меньше 30000 экземпляров которой разошлись по Лондону. Взмешенный Черчилль подал на него в суд, куда явился сам и привел своего старого надежного товарища и партнера лорда Бальфура в качестве свидетеля. Участие такого тяжеловеса (Бальфур в общей сложности провел пятьдесят лет на английском политическом Олимпе, а накануне суда занимал пост лорда-председателя Совета) решило дело: Дуглас был признан виновным. Это была показательная расправа. Однако свое место в парламенте от округа Данди, где ему некогда доверились шотландские избиратели, Черчилль все же потерял, а затем потерпел поражение и в Лестере. Англичанам был не нужен известный еврейский лоббист в высшем

представительном органе страны. Оставшись не у дел, Черчилль занялся живописью и литературным творчеством.

В 1924 году, поправив репутацию за счет литературной известности, он все же вернулся в парламент от маленького округа Эппинг (графство Эссекс), знаменитого своим маслом и колбасами. Возвратившись при этом как ни в чем не бывало в партию консерваторов, он был назначен в правительстве Стэнли Болдуина канцлером казначейства, где и пребывал с 1924 по 1929 годы, доведя страну до массовой безработицы и экономического спада. (О некоторых обстоятельствах его дружбы с Болдуином см. выше.) После чего ему долгое время уже никаких должностей не доверяли, и с 1931 года по роковой сентябрь 1939 года Черчилль был всего лишь рядовым членом парламента, основную деятельность посвятив устным и письменным выступлениям, работе над статьями и книгами.

Однако на деле затишье было мнимым. Именно на протяжении 1930-х годов, когда мир шаг за шагом продвигался к новым глобальным потрясениям, Черчилль отнюдь не сидел сложа руки, а напряженно и целенаправленно готовился к важнейшей миссии в своей жизни. Естественно, все это было связано с евреями, с их положением в Европе и на Ближнем Востоке. Подробнее об этом будет рассказано в своем месте. А здесь я должен привести лишь один эпизод, но очень выразительный, который рисует те установки, что двигали Черчиллем и направляли его энергию и общественный темперамент.

8 июня 1937 года сэром Арчибальдом Синклером (политик, лидер либералов, крупнейший землевладелец, тесно сотрудничавший с Гербертом Самуэлем и Уинстоном Черчиллем) была организована встреча Хаима Вейцмана с рядом парламентариев, евреев и неевреев, поддерживавших сионизм. Такими, как уже известный нам Лео Эмери, лидер лейбористской партии Клемент Эттли (в 1945 году он сменит Черчилля на посту премьера), полковник Джозайя Веджвуд и капитан Виктор Казалет. На встрече присутствовали также Черчилль и Джеймс де Ротшильд. Обращаясь к Вейцману, Черчилль дал удивительный обет, указывая на присутствующих: «Если вы попросите нас сражаться за вас, мы будем драться, как тигры» (156).

Вот удивительное дело: откуда в Англии взялись эти «тигры»?! Что за патология в стране, казалось бы, победившего английского национализма, стране – наследнице королевы Виктории, Киплинга и расового идеолога Хьюстона Чемберлена, на сочинениях которого вырос Гитлер?

Названные гости Синклера были представителями парламентской оппозиции. Со временем к ним присоединятся вожди рабочей партии Гринвуд и Моррисон (в будущем вице-премьер при Эттли), а также оппозиционер-консерватор Дафф Купер, пламенный поборник сионизма, сторонник создания еврейского государства, и другие лица. Вот такими «тиграми» Черчилль угощал Вейцмана, гарантируя ему поддержку! Не в одиночку боролся он за еврейские права и интересы, но действовал в комплоте с влиятельными лицами и под внимательным приглядом Ротшильда. И этот комплот, незримый для электората Британии, существовал при полном взаимопонимании обеих главных партий Англии, как правящей, так и оппозиционной.

Впрочем, он не ослаблял и личных усилий. К примеру, накануне обсуждения в палате общин «Белой книги», изданной правительством в мае 1939 года с целью ограничить приезд евреев в Палестину, где разгорался еврейско-арабский конфликт, Черчилль пригласил Хаима Вейцмана на ланч в свою лондонскую квартиру. «В своих мемуарах Вейцман вспоминал, как Черчилль «вынул из кармана пачку маленьких карточек и прочитал нам свою речь; затем он

спросил меня, могу ли я предложить какие-нибудь поправки» (200). В своей речи Черчилль, конечно же, протестовал против «Белой книги», именуя ее издание «постыдным актом». И консультация с Вейцманом как высшей инстанцией была неслучайной. Сам факт обращения Черчилля к главному еврею-сионисту за одобрением, за апробацией – очень о многом говорит. Главный еврей должен был получить новое свидетельство того, что Черчилль делает для евреев все, что в его силах. Черчилль лишний раз присягнул евреям на верность.

Характерной была ответная реакция: «Ваша великолепная речь способна разрушить эту политику правительства, – телеграфировал Черчиллю доктор Вейцман в день выступления Черчилля в парламенте. – У меня нет слов, чтобы выразить вам свою благодарность». Натан Ласки писал Черчиллю из Манчестера: «Позвольте поздравить вас с великой речью государственного значения, произнесенной вчера по вопросу о Палестине. Я думаю, не будет преувеличением сказать, что вас благословят за это миллионы евреев во всем мире». Эта речь произвела на сионистских лидеров такое впечатление, что впоследствии Британская ассоциация за создание национального еврейского очага в Палестине напечатала ее отдельной брошюрой.

Удивительно ли, в таком контексте, что евреи преисполнились волей вернуть своего самого надежного защитника к вершинам власти! Первый раз они ввели Черчилля во власть, как мы помним, еще до Первой мировой войны. И сейчас они снова сделали это, и с успехом, умело, при этом очень ловко манипулируя общественным мнением, готовя его к новому взлету карьеры своего героя. Вот как повествует об этом Гилберт в своей книге.

«В то время как Чемберлен и его ближайшее окружение не хотели впускать Черчилля в свой круг, все большая и большая часть британской публики призывала дать ему место в правительстве. Это требование было выражено в феврале и марте 1939 года в журнале «Пикчер пост», в двух номерах подряд призывавшем к возвращению Черчилля в правительство. Статьи были иллюстрированы фотографиями Черчилля в Чартуэлле, его доме, ставшем местом его своеобразного изгнания, где он был запечатлен работающим, кладущим кирпичи, читающим – в ожидании, пока его наконец позовут (то-то умилились английские обыватели! – А. С.).

Появление этих статей было во многим заслугой обладавшего даром предвидения издателя «Пикчер пост» Стефана Лорана, венгерского еврея, который в 1919 году в возрасте восемнадцати лет бежал из пропитанной антисемитской атмосферой страны...

Лоран с фотографом журнала провел в Чартуэлле целый день, беседуя с Черчиллем и собирая необходимый ему материал, чтобы как можно лучше подготовить призыв к возвращению Черчилля в правительство, который он собирался разместить на страницах «Пикчер пост». Два номера «Пикчер пост», последовавших за визитом Лорана в Чартуэлл, обозначили поворотный пункт в общественном восприятии Черчилля как человека, знания и опыт которого не используются. Первая статья, написанная Генри Уикхемом Стидом, бывшим главным редактором «Таймс» и членом Антинацистской лиги, была опубликована 25 февраля 1939 года и озаглавлена так: «Величайший момент в его жизни еще придет?» (196—197).

И что бы вы думали? Этот момент действительно пришел! 10 мая 1940 года Черчилль становится главой национального правительства и одновременно министром обороны, лидером палаты общин, а с конца года – и лидером консервативной партии, сосредоточив в своих руках все главные рычаги управления всей Великобританией. Такой власти не имел никто и никогда в Англии после королевы Елизаветы Тюдор, даже Дизраэли. «Тигры Вейцмана» взяли верх в стране [23 – Характерная деталь: «В представительстве Еврейского агентства в Лондоне

профессор истории Льюис Намьер, с которым Черчилль восемь лет назад консультировался по поводу биографии герцога Мальборо, собирал разнообразные отклики евреев, воодушевленных новым возвышением Черчилля» (216). Еще бы! Это был час их торжества, их победы.].

До самой смерти

О том, чем была для Черчилля Вторая мировая война, какую роль сыграл он в ее развязывании, как вел себя в ее ходе и чем завершил, рассказано в отдельной главе. Поэтому я обращаюсь к послевоенному периоду карьеры Черчилля, которая была долгой вне сравнения.

Война закончилась, когда Черчиллю было уже за семьдесят. Триумфальное завершение многолетней кровавой страды привела его к неожиданному результату: вместо выражения всенародной признательности путем переизбрания народ Англии отказал в поддержке консерваторам (а значит, и лично Черчиллю) уже в июле победного 1945 года! Впервые в истории парламентское большинство, да еще с большим перевесом, составили лейбористы. Избиратели припомнили довоенный политический и экономический курс консерваторов и не захотели к нему возвращаться. Черчиллю не осталось места в высшем эшелоне власти, ему пришлось даже покинуть Потсдамскую конференцию победителей, что было, конечно, крайне унижительно. Отблагодарили соплеменники, ничего не скажешь...

Отныне на довольно долгое время сэр Уинстон утратил возможность влиять на политику Англии иначе, чем посредством статей и выступлений. Самолюбивый и честолюбивый до тщеславия [24 – Тот факт, что весомая часть трудов Черчилля посвящена прославлению предков (герцога Мальборо – 6 томов, собственного отца – 2 тома), о многом говорит психологу.], он тяжело переживал вынужденную отставку. Это был удар в самое сердце, ведь он считал себя вождем и спасителем английского народа, если не всего мира, а избиратели – и что самое ужасное, солдаты в основной своей массе – отвергли его самого и его партию. По свидетельству Вирджинии Коулс, присутствовавшей 26 июля на традиционном послевыборном обеде, Черчилль был совершенно убит случившимся. Он был не в состоянии произнести ни слова, а его дочери сидели все в слезах. На следующий день, 27 июля, Черчилль созвал прощальное заседание кабинета. Как пишет его министр иностранных дел Энтони Иден, «это было довольно мрачное зрелище... Он был в расстроенных чувствах, бедняга... Говорил, что сегодня он вовсе не примирился со случившимся. Напротив, боль стала еще сильнее, как боль от раны, которая становится невыносимой после первого шока». В состоянии фрустрации сэр Уинстон даже отказался от почетнейшего ордена Подвязки, предложенного королем (получит его спустя годы уже от королевы).

В своих мемуарах Черчилль горько ссылается на Плутарха: «Неблагодарность по отношению к своим великим людям есть характерная черта сильных народов». Он относил эти слова, конечно же, к англичанам. Однако, как выяснилось, упрек этот заслужили и евреи, для которых внезапно лишенный всех правительственных постов политик потерял свою ценность и привлекательность, что было для них особенно досадно, ибо именно в первые послевоенные годы решалась судьба будущего Израиля, а своего главного и надежного заступника евреи в тот момент утратили.

Власть Черчилля уже висела на волоске, когда 24 мая 1945 года он получил письмо от Хаима Вейцмана, в которое было вложено требование Еврейского агентства об отмене любых ограничений на въезд евреев в Палестину, которые были установлены британским правительством в 1939 году. Вейцман писал: «Пришло время... открыть евреям дорогу в Пале-

стину и провозгласить там создание еврейского государства. Мой священный долг просить вас осуществить это, и осуществить немедленно» (299).

Но Черчилль, зная, что у него уже нет шансов провести подобное решение через временное правительство, созданное лишь на предвыборный срок, ответил: «Я боюсь, что не будет возможности продуктивно рассмотреть этот вопрос до начала специальной мирной конференции с участием союзников-победителей». Это не было решительным отказом, это была лишь мягкая попытка немного урезонить просителей, привести их надежды в соответствие с возможностями момента, призыв проявить понимание и терпение.

Но евреи смотрели на ответ Черчилля по-другому, они не хотели знать никаких резонов, не собирались терпеть и требовали своего. На заседании Политического сионистского комитета в Лондоне 13 июня Х. Вейцман осудил письмо Черчилля как «противоречащее реальному пониманию всей этой проблемы»... Он подытожил: «Если бы Черчилль хотел уладить дело, он мог бы это сделать». Для Давида Бен-Гуриона письмо Черчилля показалось «сильнейшим ударом, полученным евреями» (300—301).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.